

ВАСИЛИЙ КОРОСТЕЛЕВ

ЛОВЕЦ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Василий Коростелев

Ловец

«ВЕЧЕ»

2015

Коростелев В. В.

Ловец / В. В. Коростелев — «ВЕЧЕ», 2015 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-444-48849-2

Приморский край, Маньчжурия, Забайкалье. Конец 1920-х годов. Молодой сотрудник ОГПУ Константин Рукавишников, в силу обстоятельств, направлен в командировку из Москвы во Владивосток. Обстановка в городе напряженная. Банды с Миллионки, имея своих осведомителей в системе госорганов, действуют нагло. Рукавишников принимает деятельное участие в разгроме одной из банд, а затем его назначают командиром ударной группы, действующей против хунхузов и контрабандистов. Немалую помощь ему в этом оказывает проводник-нанаец, местный шаман Суре Гаер. После успешного выполнения задания Рукавишников едет в Москву за новым назначением, где знакомится с личным советником Сталина...

ISBN 978-5-444-48849-2

© Коростелев В. В., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	30
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Василий Владимирович Коростелев

Ловец

© Коростелев В.В., 2015

© ООО «Издательство „Вече“», 2015

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

Как бы ты ни ловчил по жизни, свою судьбу не объегоришь.
Народная мудрость

Глава 1

Константин Рукавишников. Рокировка

Москва встретила меня солнечным, весенним утром. Выйдя с Октябрьского вокзала, я повернул направо и бодро зашагал к Каланчёвской трамвайной станции, но, не пройдя и ста метров, невольно скривился. Это же надо: совсем одичал в этой поездке! Семь утра, народ спешит на работу. Втиснуться в трамвай в эту пору не легче, чем слону пролезть сквозь угольное ушко. Пришлось идти к стоянке извозчиков и торговаться с буржуйским отребьем.

– Куда прикажете, гражданин-товарищ? – Разбитной молодец в коляске на дутых шинах да с призовым жеребцом в упряжке мне не подходил. Дерут они с клиентов столько, что все остатки командировочных денег уйдут на то, чтобы добраться до Таганки. А я еще собирался заскочить в магазин за подарком для жены. Поэтому выбрал старика-«ваньку» одиноко дремлющего на козлах потрепанной брички. Старик, почувствовав седока, обернулся и спросонья спросил:

– Куда изволите, барин?

– Очнись, старый! Баре все в земле спят давно! – приходя опять в хорошее настроение, воскликнул я.

– Извиняюсь, гражданин-начальник. Так куда вас везти-то?

– Большая Коммунистическая.

– Это значить, бывшая Большая Алексеевская, – прошамкал старик, задумчиво пожевывая кусок поднятой ветром жиденькой бородачки. – С вас пять рублей, – объявил он.

– Ну, это еще божеская цена. Гони, старый.

Гнать не получилось. Лошаденка выглядела изрядно заезженной и ползла чуть быстрее обычного пешехода, при каждом понукании переходила на бодрую рысь, а через пару десятков метров восстанавливала статус-кво. Но я не обращал на это внимания, погрузившись в свои, наполненные оптимизмом мысли. А что? Карьера у меня складывается на загляденье. Всего двадцать пять лет, а я уже – оперуполномоченный сотрудник ОГПУ. У меня красавица жена, отдельная комната в роскошной квартире. Начальство ко мне относится доброжелательно, есть перспективы роста.

В течение двух недель я был в своей первой самостоятельной командировке, утопая в снегах и непролазной грязи от Сестрорецка до Лемболово. С заданием, думаю, справился. Под видом простого инженера-путейца я присматривался к военачальникам, строителям, военным инженерам, геодезистам и всем остальным работникам, направленным в эту местность для выбора места под стратегический укрепрайон, защищающий город нашей революции.

Дело важное и крайне секретное, но вот специалисты у нас по происхождению неблагонадежны. Пришлось ненавязчиво присматривать и где-то даже вызывать на откровенные разговоры будущих проектировщиков и строителей. По легенде, до бесед за бутылкой коньяка с военачальниками я не дорос, зато с инженерным составом сошелся накоротке и кое-какие выводы сделал. Осталось только составить отчет и доложить по инстанции. Думаю, Юзеф Анзельмович будет доволен, и мне доверят работу с оперативным составом. А то надоело уже совмещать должность личного адъютанта, телохранителя и шофера при столь важном человеке.

Внезапно я заметил, что наше «ландо» добралось до Рогожского рынка.

– Стой! – закричал я и, не дождавшись реакции от «водителя кобылы», спрыгнул на ходу. – Жди меня здесь, скоро буду, – бросил я и скрылся в расфранченном магазине братьев

Свиньиных. Зеркально-гладкие двери открылись, и не успел отзвенеть колокольчик у входа, как передо мной фокусником материализовался приказчик.

– Чего изволите? – его по-лисьему острое, гладковыбритое лицо осветилось в угодливой улыбке, хотя глаза выражали испуг: военная форма настораживала.

«Наверное, фининспекторы не обделяют буржуйский магазин своим вниманием», – одобрительно подумал я и тут же ответил:

– Мне бы жене подарок, посущественней.

Глаза разбегались от ломившихся товаром полок.

«Вот гады! Всё есть, а в государственных кооперативках мышь повесилась».

Поняв, что я не инспектор, приказчик доверительно взял меня за локоток и, ловко лавируя меж покупателями, провел в отдел женских товаров.

– Не угодно ли шляпку? Настоящий клош¹, из Америки только вчера доставили-с.

Я повертел предложенные котелкообразные головные уборы и молча покачал головой. Я даже размера не знаю, а вдруг еще и не понравится?

Приказчик с готовностью уставился на меня.

– Мне лучше ткани на платье.

– Могу предложить ситец, сатин, саржу, новомодный трикотаж...

– Дайте лучше шесть метров вон того, – сказал я, показывая на синий с блестками материал.

– О! Цвет электрик, новинка сезона! Прошу вас, восемнадцать рублей за аршин...

Ругаясь про себя, я вышел из магазина с изрядно опустевшим кошельком и свертком под мышкой.

– Гони, старик, хватит спать! – заорал я над ухом возницы, и от предвкушения, как обрадуется жена, придя с работы, у меня опять поднялось настроение.

Открыв общую дверь квартиры своим ключом, я спокойно подошел к своей комнате и тут услышал поразившие меня звуки, доносившиеся из-за двери.

Так стонала моя жена, когда достигала пика наслаждения, в моменты близости! В этот миг мимо меня серой мышью по коридору прокралась соседка из «бывших». «Знала!» – мелькнула яростная мысль, и, не удержавшись, я впечатал сапогом по ее тощему задку. Затем решительно дернул дверь.

Они даже не закрылись! И было отчего! Я в первый момент даже не понял собственной реакции на открывшуюся картину. На полу валялись кальсоны и нижнее женское белье. На моем жестком кресле с высокой спинкой, реквизированном по случаю из особняка одного спесивого генералишки, висел габардиновый китель со знаком почетного чекиста на груди. А на постели, не замечая ничего, взмахивал толстой волосатой задницей поборник морали и пламенный большевик-ленинец Юзеф Анзельмович Новак. Под ним, тонко воя и взрывая, извивалась моя законная супруга Лидия Тихоновна Рукавишникова (в девичестве – Парасюк). «Не притворяется...» – с тоской подумал я и тихо сполз по стенке. Я из этого увлеченного фразера в минуту фарша мог надеть голыми руками, но жить еще хотелось...

Наконец мое присутствие было обнаружено. Думаете, они смутились? Да ни капли! Начальник сполз с обмякшей супруги и, натянув подштанники, спокойно оделся. Подойдя ко мне, покровительственно похлопал по плечу, сказал: «М-да...» – и скрылся за дверью.

Я сидел, тупо глядя на откидной календарь, красовавшийся на противоположной стене. «Двадцать первого апреля тысяча девятьсот двадцать седьмого года окончились карьера и семейная жизнь Кости Рукавишникова», – констатируя факт, я безучастно смотрел, как неторопливо и даже с долей позерства одевается Лида.

¹ Клош – шляпка в форме колокольчика.

– Ну что уставился? – наконец не выдержав, перешла она в атаку. – Не мог приехать как было запланировано? Тихо-мирно, ни о чем не догадываясь, дослужился бы до начальника отдела, а теперь тебе, дураку, или голову, как куренку, оторвут, или поедешь в места, где Макар телят не пас! Ради тебя же старалась!.. – вдруг добавила она.

Зря сказала.

– То-то я заметил, как ты искренне радела за любимого мужа! – съязвил я, постепенно оживая. «Нет, бить я ее не буду, себе дорожке выйдет», – решил про себя, пропуская ее к выходу...

Она так и не пришла ночевать. Думаю, опасалась меня. А зря.

Остаток дня и большую часть ночи я трещал старым «Ремингтоном», составляя отчет о проделанной работе, а утром, как ни в чем не бывало, чисто выбритый, в наглаженной форме и при оружии, предстал перед начальником отдела.

Юзеф Анзельмович бесстрастно пролистал отчет, затем одобрительно хмыкнул, найдя вкусные для него детали в характеристиках отдельных «клиентов», и обыденным голосом произнес:

– Все, до воскресенья. Отдыхай. В выходной едем на охоту сопровождать старших товарищей.

Он оторвался от бумаг и, упершись взглядом белёсо-голубых глаз мне в лицо, минуту с интересом его разглядывал, но ничего не сказав, жестом показал, что я свободен.

* * *

В Завидово выехали ранним утром, на четырех машинах. Два «форда» охраны неслись впереди по Тверскому тракту. За ними следовали «мерседес» и «рено» последней модели, в которых разместились несколько ответственных работников нашей службы. Я ехал с группой малознакомых мне телохранителей и адъютантов, так что разговаривать нам было не о чем. Всю дорогу по тракту, занявшую более трех часов, я размышлял о своей дальнейшей участи. Возможно, рядом со мной находились те, которым прикажут меня уничтожить потихому, предоставив все дело как несчастный случай во время охоты. Впрочем, может, зря я переживаю. Чекисты – народ недоверчивый, и убийство одного из приближенных Юзефа даст недоброжелателям повод покопаться в его грязном белье.

Наконец наш кортеж свернул с тракта на проселочную дорогу, и мы еще более часа ехали по непросохшему бездорожью, порой иногда чуть ли не на руках вытаскивая застрявшие в грязи машины. Все сопровождающие высокое начальство уделались, как свиньи, зато на егерском кордоне нас ожидала хорошо протопленная изба, где мы, переодевшись, смогли плотно перекусить деревенской снедью. Начальство засело в большой гостевой избе, откуда до глубокой ночи доносились звуки пьяного разгула...

«Утро туманное, утро седое...» – слова романса очень подходили к сегодняшней обстановке. Мы стоим на номерах в ожидании зверя. Вернее, на номерах стоят начальники, мы с егерями расположились рядом, для подстраховки. Мои подопечные – Юзеф и Михаил Александрович Трилиссер, заместитель самого товарища Менжинского. Маленький человечек, в руках которого обычная «тулка» выглядит гаубицей. Сам я вооружен обыкновенной мосинской трехлинейкой, заряженной обоймой с разрывными пулями. Хотя я одет в теплый бушлат, утренняя сырость пробирает до костей. Под ухом надоедливый комаром негромко жужжит голос егеря:

– И чего по весне приперлись? Кабан сейчас тощий...

– Не твое дело! – грубо обрываю я, и егерь, привыкший к более деликатному обращению, обиженно замолкает. Вдали слышатся крики загонщиков. Две роты бойцов из дивизии

ОГПУ имени Дзержинского сегодня на учениях. Учатся действиям в густом лесном массиве, заодно загоняя для нас дичь.

Неясными тенями стайка кабанов внезапно вынырнула из тумана на поляну перед засадой. Громадный секач, самка, два подсвинка и шесть еще совсем маленьких сеголеток, негромко похрюкивая, на секунду приостановились, втягивая воздух, и понеслись прямо на номера наших подопечных.

Ближние выстрелы бичом разорвали воздух. Визг умирающих животных, грохот повторных выстрелов... Секач крутанулся на месте и, определив, откуда исходит опасность, резко кинулся вперед, набирая скорость. Летящий с фронта кабан – цель неважная. Две пули, попавшие, очевидно, в голову, не остановили секача, однако ко мне и егерю кабан повернулся боком, чем мы, не сговариваясь, воспользовались. Выцеливать было некогда, и я навскидку дважды выстрелил в мчавшееся животное. Егерь врезал жаканами с двух стволов в уже падающего секача. Кабан, пропахав рылом палую листву, замер в двух шагах от позиции охотников. Я огляделся. На поляне остались два сеголетка и оба подсвинка, один из которых еще бился в агонии. Свинья увела оставшихся детенышей...

Ветер разогнал остатки утреннего тумана и загулял в голых ветвях лиственного леса. Я слышал хлопки дальних выстрелов и все приближающиеся крики загонщиков. Почуввав, что кто-то находится сзади, я резко обернулся. Юзеф, подойдя ко мне, одобрительно похлопал по плечу и, ничего так и не сказав, развернулся и побежал вслед уходившему к опушке леса Трилиссеру.

– Однако, парень, это ты секача уделал! – с уважением в голосе вывел егерь, ковыряясь в ранах старого самца. – Видишь, одна пуля прошла под лопатку? Прямо в сердце.

– А ты куда попал? – любопытно спросил я.

Егерь огорченно отмахнулся:

– В жопу захреначил! Такое ранение для него – чепуха...

В охотничьем хозяйстве задерживаться более не стали, неделя впереди предстояла хлопотная – перед Первомайскими праздниками наша контора традиционно находится в повышенной боевой готовности, поэтому сразу после завтрака, погрузив трофеи в прибывший грузовик, мы выехали в столицу.

* * *

Через неделю после праздников я был вызван в Главное управление ОГПУ. К самому товарищу Трилиссеру. Центральная «контора» обосновалась в здании, где до революции располагалось страховое общество. Главный вход пятиэтажного дома желтого кирпича находился на Лубянской площади, но мне светиться перед возможными «клиентами» нашей конторы, которых запускали в общественную приемную через центральный вход, не пристало, и я нырнул в подъезд со стороны Фуркасовского переулка. Поднявшись на третий этаж, робко приоткрыл дверь приемной.

– Разрешите? – спросил я сдержанного чернявого секретаря, который с важным видом примерного ученика чинно держал локотки на широком поле зеленой столешницы.

– А, товарищ Рукавишников, охрана меня предупредила. Подождите, идет совещание, – вымолвил он, показывая на стулья, выстроившиеся в ряд вдоль левой от меня стены.

Ждать пришлось около часа, затем толпа высоких чинов высыпала из кабинета, и через пару минут меня пригласили.

Несерьезная фигурка хозяина просто терялась на фоне объемного помещения. Трилиссер восседал во главе огромного стола. Маленькое лицо, круглые очки, простая габардиновая гимнастерка и щеточка усов под носом.

И этот человечек – начальник внешней разведки, от которого, как я понимал, теперь зависела моя дальнейшая судьба?!

– Проходите, садитесь, – негромко предложил он, и я, приблизившись, осторожно опустился на краешек стула не на самом краю стола, но и не под самым носом начальства.

– Так, так... Взглянул я на ваше личное дело, товарищ Рукавишников. Ваш начальник отдела ходатайствует о вашем переводе в отдел внешней разведки. Как вы сами к этому относитесь? – спросил хозяин кабинета, остро взглянув мне в глаза.

«А что тут говорить? Надо соглашаться», – подумал я, а вслух добавил:

– С радостью приму любое предложение. Служить трудовому народу – наша почетная обязанность.

Трилиссер ответил взглядом, в котором светилась легкая ирония, и, ничего не сказав, открыл папку, лежавшую под рукой, углубился в текст.

– Так, так, – повторил он. – Родился в 1902 году, в Никольске-Уссурийском. Мать – бестужевка, народный учитель. Отец – железнодорожный мастер, переведен в начале семнадцатого года начальником участка на Николаевскую железную дорогу. Родители умерли от тифа в девятнадцатом году. Вы получили неплохое образование, отличный стрелок, с детства увлекались охотой и восточными единоборствами. Кстати, кто вас этому обучал?

– Мой наставник, кореец Мен Хо Чан, перебрался с нами с Дальнего Востока. В двадцатом погиб во время штурма Перекопа, – сдержанно ответил я.

– Ну что же, товарищ Рукавишников, вы нам подходите. Юзеф Анзельмович характеризует вас как опытного чекиста, преданного делу нашей партии. Теперь о деле. Сейчас на Дальнем Востоке сложилась крайне тяжелая обстановка. Гражданская война в Китае входит в свою кульминационную фазу. Армия Гоминьдана под руководством Чан Кайши из союзника превратилась во врага Советского государства. Только что потоплено в крови восстание красной гвардии в Шанхае. Наши военные советники вынуждены покинуть территорию Китая. Наша разведывательная сеть разрушена. Постоянные провокации на КВЖД и прорывы вооруженных бело-китайских и белогвардейских банд на нашу территорию стали обыденным явлением. Я уже не говорю о контрабанде... – Трилиссер на секунду замолчал, с тоской посмотрел на весеннее солнце, проглядывающее сквозь щель тяжелых оконных занавесей, и закончил сухим тоном: – Со всеми подробностями вас ознакомит товарищ Щеглов. Свяжитесь с ним через моего секретаря.

* * *

Щеглова я знал еще по совместной службе в разведке Первой конной. В девятнадцатом году, когда умерли родители, я остался практически без средств к существованию, все накопления отца обратились в прах после национализации коммерческих банков. Золотые безделушки и большая часть денег ушла на лечение так и не справившихся с болезнью родителей. Затем тиф добрался и до меня. Придя с кладбища, я почувствовал себя дурно. Голова закружилась. От внезапно нахлынувшей слабости в глазах потемнело, и в следующую секунду я почувствовал резкую боль в затылке. Последнее что явственно помню, это склонившееся надо мной встревоженно-сосредоточенное лицо моего наставника Мен Хо Чана...

Боле я долго и, кажется, именно во время болезни психика моя претерпела заметные только мне изменения. Метался в горячечном бреде и передо мной возникали образы совершенно незнакомых мне людей, зачастую одетых в довольно странные одежды. Особенно часто досаждал интеллигентного вида пропойца с волосами, убранными в хвост ровно, как у гоголевского дьячка. О чем я беседовал с моими «посетителями», не помню. Только вот с

момента выздоровления на меня временами «накатывало», и я подобно троянскому Гелену², иногда просто смотря на человека, мог видеть фрагменты его будущей жизни.

Первым, у кого я увидел смерть на челе, был мой наставник. Однажды, будучи еще очень слабым после болезни, я, принимая у него из рук чашку с водой, вдруг заметил, как пространство вокруг него как бы расплылось. Я увидел холодную осеннюю степь, раскисшую от дождей, конницу, несущуюся на закат багрового солнца, и внезапный огненный всплеск перед глазами...

На короткое время я даже потерял сознание, а когда зрение вновь сфокусировалось, то понял, что увидел смерть глазами своего учителя. Кстати, сегодня, пока товарищ Трилиссер о чем-то думал, смотря в свое витражное окно, мне было видение. Этого маленького человечка волокли по здешнему коридору два дюжих молодца в фуражках с красными околышами и двумя квадратами в петлицах³. А он, не в силах кричать, захлебывался кровавыми соплями и тихо икал от страха.

* * *

После моего выздоровления встал вопрос: как нам случайно не умереть с голоду? Надежд никаких. Мы не белоручки, но работы как-то никто не предлагал. Заняться откровенным грабежом на большой дороге мой учитель посчитал недостойным занятием. Надеясь получить протекцию у приятеля моего отца, мы с Мен Хо Чаном приехали в Питер, но Еремея Спиридоновича уже прислонили к стенке как белого террориста. Поразмыслив на голодный желудок, мы записались добровольцами в Красную армию, и здесь наши пути разошлись.

Мен Хо Чан отправился с группой земляков на восточный фронт, а меня, как грамотного парня, приписали к штабу четвертой Петроградской кавалерийской дивизии. В штабе я и познакомился с лихим рыжеусым командиром эскадрона разведки, который и переманил меня к себе. Через полгода во время боев под Львовом он был ранен – наш разъезд наварлся на целый эскадрон польских улан. Рубка бы отчаянная! Сергея Щеглова вышиб из седла какой-то коротышка, ловко подсадив его на древнюю пику, и если бы не я, то быть ему затоптанным в этом скоротечном бою. Когда мы лихо удирали, я успел взвалить своего старшего товарища на бесхозную лошадку и так, держа ее за повод, вырвался из схватки...

Потом еще пару раз с ним встречались уже в Москве. Щеглов теперь тоже сотрудник ОГПУ, хотя я и не знал, что он курирует Дальневосточный отдел.

Встретились мы в тренировочном зале общества «Динамо», где наши оперативники отрабатывали боевые приемы.

– Не хочешь попробовать? – спросил Сергей вместо приветствия, будто мы и не расставались со вчерашнего дня.

– Нет, что-то не хочется, – отклонил я его предложение.

«Зачем мне это нужно? Интересных бойцов среди них нет. А в грузчики по переноске тяжестей я не нанимался. Я тренируюсь по своей системе, и нагрузки хватает, чтобы поддерживать форму».

– Вон, кстати, видишь того бугая, который работает в паре с китайцем? – спросил Сергей. – Он твой напарник. Отличный стрелок, кавалерист и рубака, каких мало.

Глядя на неуклюжие попытки будущего напарника заполучить своего соперника в объятия, я произнес:

– Да, лучше бы он против китайца с шашкой вышел.

² Гелен – троянский царевич, обладавший даром предвидения.

³ Сержанты ГБ.

– Тю, ты что, дурной?! Какой китаец на шашку голой пяткой прыгать будет? – От удивления Сергей заговорил с малороссийским акцентом.

В этот момент китаец все же попал в захват здоровяка и через секунду замахал руками, требуя, чтобы его отпустили. Распаренный герой, тяжело дыша, подошел к нам. Представился:

– Дима Знахарев.

А через полчаса мы сидели в кабинете Щеглова, слушая его наставления.

– Дня через три сходите в распределитель. Отоваритесь пайками в дорогу. Если с оружием проблемы, подберете в арсеналке. Выезжаете через неделю, билеты вам забронированы, получите в кассе Ярославского вокзала. Форменную одежду в дорогу не одевайте. Нечего раньше времени светиться. Оденьтесь более нейтрально. Едете через КВЖД до Владивостока. Конкретные инструкции получите от старшего оперуполномоченного ОГПУ Буренко прямо на месте, в тамошнем управлении.

Глава 2

Константин Рукавишников. В путь!

На перроне Ярославского вокзала было необычнолюдно, хотя до подачи состава транс-сибирского экспресса оставалось еще не менее часа. По перрону шмыгали лоточники, продававшие взволнованным пассажирам папиросы, выпечку, воду, а кое-кто из-под полы украдкой предлагал «казенку»⁴. Публика на перроне была самой разномастной: от небольших вкраплений потускневших дам бывшего полусвета до коммивояжеров и служащих, отдельными группами стояли китайские торговцы и железнодорожные служащие, очевидно, едущие на КВЖД. Но больше всего на платформе было военных. Меж пассажирами и торговцами шныряла группка беспризорников в надежде что-нибудь стырить у зазевавшихся лопухов. Было довольно тепло. Так, что в гимнастерке, галифе и нательном белье было даже, пожалуй, жарко. В фуражке без околыша, петлиц и шевронов я походил на отставного военного, обезличиваясь в этой толпе...

Проходивший с независимым видом мимо меня шпаненок лет пятнадцати, остановился, приподнял кепку, шмыгнул носом и предложил:

– Слышь, солдатик, девочку не желаешь? Небось, пока служил, ни одной кунки не нюхнул?

– Вали отсюда, расслабленный! – вмешался подошедший сзади Дима Знахарев и строил зверское лицо.

– Ладно, ладно, – шпаненок, засунув руки в карманы холщовых штанов, отошел на несколько метров, оглянулся и, не заметив враждебных действий, насмешливо запел на мотив «крутится, вертится шар голубой»:

Когда я молоденьким юнкером был,
Кресты и медали я очень любил.
Кресты и медали сверкали огнем,
Московских б-дей я имел каждым днем...

Малец затерялся среди оживленно зашевелившейся толпы – к перрону подходил состав транссибирского экспресса Москва-Маньчжурия...

* * *

Начальство расщедрилось, предоставив нам билеты в мягком вагоне. Зайдя в купе, я закрыл дверь, и пока Дима раскладывал вещи, внимательно разглядывал себя в зеркале. А ничего парень. Высок, голубоглаз, крепок физически, волосы темные, короткие, ну, это даже хорошо, гигиену блюсти нужно. Холост, у нас теперь в один день можно поменять свое семейное положение, вот я с супругой и развелся без лишних сантиментов. «Ничего, Костя, бабу мы тебе найдем без фары, но работающую». – Подбодрив сам себя, я улыбнулся, глядя в зеркало, и принялся распаковывать свой вещевой мешок.

Наши попутчики заявили буквально за две минуты до отхода поезда. Двое мужчин лет по тридцать с небольшим, в гражданской одежде.

⁴ Казенка – водка промышленного производства.

– О, я смотрю, вы неплохо живете! – с ходу заявил лобастый крепыш в костюме из чесучи. – Коньяк шустровский, колбаска. М-мм... – мечтательно завел глаза и, ничуть не смущаясь, предложил: – Сейчас мы к вам присоединимся.

В этот момент поезд дернулся, и «лобастый» невольно повалился на меня, сидящего за столиком.

– Пардон, я извиняюсь, – отрываясь от меня, пробасил крепыш.

Попутчики быстро убрали багаж и выложили собственные припасы. К ночи мы совсем разомлели. Попутчики наши – Леонид Наумов (лобастый) и Николай (так он представился) оказались людьми компанейскими, не дураки выпить, да и собеседники хоть куда. Естественно, политические темы мы с ними не обсуждали.

Не знаю, но мне кажется, что значительная часть работников КВЖД (а они ими и являлись) служащие нашей конторы. Возможно, и они нас раскусили, поэтому болтали больше о бабах, травили анекдоты, рассказывали интересные случаи о жизни. Окна в вагоне были плотно зашторены, так что особо смотреть было не на что. Поэтому, уговорив две бутылки коньяка и залакировав его водочкой, мы до глубокой ночи пели песни, мешая спать соседям. Причем начали с революционных. Пели «Варшавянку», «Наш паровоз вперед летит», «Красная армия всех сильней».

Потом под воздействием коньяка на нас навалилась меланхолия, и песни пошли уже не такие оптимистические: «Черный ворон», «Любо, братцы, любо» и даже исполнили белогвардейский романс «Гори, гори моя звезда». Потом наши попутчики отправились на боковую, а Дима со слезливой гримасой на «будке» все выводил тонким дискантом: «Степь да степь кругом...»

А потом в купе заглянул проводник и вежливым голосом напомнил, что уже третий час ночи и не мешало бы нам наконец заткнуться.

* * *

На седьмые сутки, когда все разговоры были переговорены, а меняющиеся пейзажи за окном уже приелись, наш поезд остановился на станции Даурия. Далее лежала граница. На станции мы вышли размяться на платформу. Хозяйственный Митя сразу окунулся в ряды торговцев, а я, покуривая, наблюдал, как к составу прицепляют вагон и груженную рельсами платформу.

– Зачем этот довесок? – спросил я Леонида, внимательно наблюдавшего за процессом.

– Охрана, и железнодорожные рабочие. На дороге сейчас беспокойно, – пояснил он и, видимо, далее не желая отвечать на расспросы, торопливо скрылся в нашем вагоне. При проверке документов пограничниками не обошлось без инцидента. С поезда сняли пожилую пару из «бывших», ранее получивших разрешение на выезд, из окна отъезжающего поезда было видно, как они растерянно оглядывали опустевший перрон, стоя в окружении троих моих коллег, наверное, предчувствуя большие неприятности...

Сразу за пограничным пунктом поезд постепенно начал замедлять ход, так мы ехали до глубокой ночи, все снижая скорость, до тех пор, пока состав окончательно не стал. Было слышно, как за окнами, тяжело топая, пробежала группа людей, звеня оружием. Мы переглянулись и в следующую секунду у всех, включая «служащих компании», волшебным образом оказалось оружие. Надо же, такой резвости не от каждого вояки можно было ожидать, а эти гражданские штафирки не хуже нас управились. Мы кинулись к выходу.

– Что случилось? – спросил я проводника, тревожно вглядывающегося в звездную ночь.

– Пути впереди разобраны. Возможно нападение.

Помимо нас около двух десятков вооруженных пассажиров выскочили наружу, и в этот момент впереди состава открылась беспорядочная стрельба. На секунду оглянувшись, я заметил, как проводники торопливо гасили фонари у выходов из вагонов, а в следующее мгновение с правого косогора по нам открыли огонь. Пристрелочная очередь, по звуку, похоже, выпущенная из «льюиса», прошла над головами. Пули с треском разорвали деревянную обшивку вагона. Пассажиры бросились на землю. Кое-кто открыл ответный, беспорядочный с моей точки зрения, огонь. Неужели они всерьез надеялись подавить пистолетным огнем пулеметную точку? К тому же, мне кажется, это отвлекающий маневр со стороны противника.

В этот момент открылась амбразура в вагоне сопровождения, и пулеметчики из взвода охраны вступили в дуэль с вражинами. «Отвлекают», – мелькнула в голове шальная мысль.

– Все на другую сторону! – закричал я и первым полез под вагоны.

К сожалению, мы опоздали. В ту секунду, когда я, выкатившись из-под вагона, с ходу начал искать цели, на меня сверху прыгнули, а в следующее мгновение в вагоне охраны прогремел мощный взрыв. Напавший на меня боец слегка промахнулся – я не стоял на месте, качал «маятник», чтобы не послужить легкой целью для предполагаемого противника.

Диверсант, забросив гранату через вентиляционную трубу, выстрелил из револьвера и, промагнувшись по мне, кубарем покатился под насыпь. В ответ я дважды выстрелил из нагана и, похоже, не промахнулся. Осмотрелся.

Из ночного мрака к поезду выбегали новые враги, из-под вагонов выскакивали пассажиры и с ходу открывали беглый огонь. От частых выстрелов нападавшие, в большинстве своем вооруженные неуклюжими винтовками, стали падать, не успев добежать до вагонов каких-то пару десятков метров. Но их было много, и дело все же дошло до рукопашной.

Из темноты на меня выскочил какой-то здоровяк и пролетел мимо – я вовремя уклонился от нацеленного в лицо приклада, успев при этом впечатать рукоятку нагана в висок противника. Дядя крикнул и уgomонился. На секунду я замер, ища следующую цель. Слева от меня катались, рыча и ругаясь два человека, но это не мое дело. Я же не знаю кто из них кто? Да и вообще я несколько растерялся.

Среди дерущихся практически невозможно определить своих, а подкрепления к бандитам больше не подходили. Поэтому я перезарядил наганы (стрелял-то я с двух рук) и стал настороженно ждать, чем дело кончится. Минут через пять схватка стала затихать. Уцелевшие бандиты постарались скрыться в темноте, но не всем это удалось. Четверо убежавших точно были на моей совести. Да еще наши ребята стали палить вдогонку, положив несколько бандитов.

В голове поезда еще стреляли, слышались крики и топот копыт. Очевидно, кавалеристы решили атаковать охрану в лоб. А у нас и с другой стороны поезда выстрелов было не слышно. Даже «льюис» противника стих. Я заметил Наумова, сидящего рядом с неподвижным телом.

– Кончился Николай, – глухо пробормотал Леонид, поднимаясь на ноги. – Пошли, посмотрим, что делается на той стороне, – предложил он и резко нырнул под днище вагона.

На востоке забрезжила легкая полоска рассвета. К этому времени бой в голове поезда прекратился. А через короткое время я заметил характерную фигуру Димы, выплывшего из-за косогора с «льюисом» в руке.

– Ты один, что ли, здесь воевал? – спросил я подошедшего приятеля.

– Ага! – радостно заявил он. – Вы все ломанулись на ту сторону. А тут – взрыв, и я понял, что нашим пулеметчикам хана. Кому-то же надо было с хунхузами воевать?

– Точно знаешь, что хунхузы? ⁵ – спросил я.

⁵ Хунхузы – «краснобородые» (кит.) – бандиты.

– Точно. К бабушке не ходи, одни манзы⁶ нападали, – подтвердил Леонид. – От белогвардейской банды подобной численности мы так легко бы не отделались.

Только через три часа поезд тронулся в путь. Пока восстанавливали пути и грузили на платформу двенадцать убитых пассажиров, два врача, следовавшие в поезде, оказывали помощь раненым. Оказалось, что и Дима победил своих противников не без потерь: один из пулеметчиков располосовал ему предплечье во время скоротечной схватки. Стоя в тамбуре поезда, я тихо пенял, наставительно тыча в грудь своего напарника:

– Кто из нас старший группы? Я. Поэтому, если я приказал лезть под вагон, значит, ты так и должен был поступить.

– Да вышло так, что я поступил правильно! Вы все, как дурни, кинулись под поезд, а если бы хунхузы атаковали с другой стороны состава? – горячо возразил Митька.

– Короче, Дим, пока я начальник – ты дурак. Приедем на место, и если тебя назначат старшим, я буду выполнять твои приказы, а пока изволь слушаться меня.

На этом наша беседа завершилась, и до самого Харбина Димка дулся на меня. Как же, не признал его геройства и тонкого склада стратегически настроенного ума! Но по мне – пускай обижается, отругал я его за дело. По-моему, успех любой операции напрямую зависит от четко скоординированных действий членов группы, а у Митьки пока с дисциплиной неважно.

* * *

В Харбине мы попрощались с Наумовым. Глядя ему вслед, я предчувствовал, что это не последняя наша встреча. Очнулся от дружеского похлопывания – Дима звал меня осмотреть окрестности. Времени на это хватало – поезду предстояло стоять еще не менее полутора часов.

Архитектурным стилем вокзал Харбина напоминал помесь Брестского⁷ с дворцовой пагодой. Несмотря на большое количество ожидающих поезда пассажиров, внутри здания было довольно чисто. По залу важно прохаживались двое китайских полицейских в широкополых шляпах с кольцами в кобуре. Выйдя на замощенную площадь перед зданием вокзала, мы увидели множество пролеток и экипажей.

– Ты посмотри, точь-в-точь, как у нас на Каланчевке! Как будто и из Москвы не уезжали! – восхитился Митя. – Ты смотри, и возницы все русские!

– А что ты хочешь? В городе русских больше, чем китайцев. Говорят, здесь только белоэмигрантов под сто тысяч скопилось, – пояснил я.

Советские деньги здесь были в ходу. Мало того, цены по сравнению с московскими просто смешные. Мы не спеша походили вдоль рядов, купили у лоточника еще теплую жареную курицу, два десятка маленьких пирожков с крольчатинной (во всяком случае, в этом нас уверял торговец), из-под полы взяли бутылку мутного ханшина⁸ и уже решили возвращаться к поезду, когда Дима резко остановился. Затем, не говоря ни слова, резко рванул к только что подошедшему экипажу. Я не услышал, о чем спросил мой товарищ у чернобородого ражего извозчика. Зато расслышал ответ:

– Не знаю, о чем вы говорите, гражданин советский. Вы обознались.

– Я тебя, Федька, во сне ни с кем не спутаю! – шипел мой приятель, стаскивая мужика с козел.

⁶ Манзы – так называли китайцев в Уссурийском крае.

⁷ Старое название Белорусского вокзала Москвы.

⁸ Ханшина (или ханшин) – спиртной напиток, «китайская пшеничная водка». Имеет мутноватый цвет и специфический запах. Для её приготовления используется спирт, изготовленный из проса.

Мужик яростно сопротивлялся, но после мощного удара по уху упал на мостовую, резво откатился и засвистел в свисток, подзывая полицейских. Последние стояли у входа в вокзал и с минуту с интересом наблюдали за дракой, потом, как по команде, сорвались с места, на ходу доставая из кобуры гигантские кольты. На меня они не обратили внимания. А зря! Как только передний поравнялся, я, недолго думая, подставил ему подножку и без промедления засветил кулаком в переносицу второму.

– Бежим! – заорал я, и мы с Димкой понеслись через площадь к вокзалу. Мигом пролетели через зал ожидания и, выскочив на перрон, скрылись в своем вагоне.

– Ты чего, мудака, делаешь?! – едва отдышавшись, спросил я приятеля, а сам поглядывая на часы. До отхода поезда оставалось никак не менее двадцати минут. Димка не успел ответить, как я поволок его в коридор. На наше счастье, проводник оказался в тамбуре и, поняв нас с полуслова, запер обоих в туалете.

– Что же ты делаешь? – повторно спросил я, при этом осторожно поглядывая в закрашенное на три четверти окно.

– Ты бы знал, Костя, кого я встретил! – горячим шепотом начал объяснения Митька. – Это же мой сосед. Когда я записался в Красную армию, он уже у Колчака в каппелевцах служил. – Митя на секунду замер, сглатывая комок в горле. – На побывку приехал, с друзьями. Хата моя на отшибе стояла, так он выгнал моих стариков на мороз и на глазах односельчан избу мою спалил. Мать той же зимой и померла...

Внезапно я напрягся и зажал рот своему товарищу – за перегородкой в тамбуре загрохотали сапоги. Кто-то спросил о чем-то проводника, тот ответил, и человек пять или шесть прошли в вагон, явно по наши души. Но все обошлось. Полицейские не имели права задерживать скорый поезд без веских причин. Осмотр вагона длился не более пяти минут. Затем все смолкло, и через короткое время состав тронулся.

Перед границей поезд еще раз подвергся обстрелу. Но как-то несерьезно. Нападавшие не разобрали пути, а скакали на лошадях вдоль состава, как индейцы Дикого Запада. Я такой фильм в кинематографе видел. Правда, это были не индейцы – скорее маньчжурская молодежь баловалась, соревнуясь в скачке на лошадях, заодно из интереса постреливая по окнам до тех пор, пока из вагона охраны по ним не открыли пулеметный огонь. После чего разбойники мгновенно отстали.

Вообще-то вся территория КВЖД контролировалась войсками генерала Чжан Цзо-линя, и именно им по договору отводилась охрана путей сообщения, но от нападения мелких банд китайская армия этого правителя нас защитить не могла. А может быть и не особо желала. Отношения у советского правительства со всеми этими богдыханами были, скажем, не очень. КВЖД работала под эгидой Советского государства, которое платило Чжан Цзолиню за аренду земли, да еще перевозило войска, этого прояпонски настроенного диктатора за полцены, а если учесть взаимообразные платежи, то фактически совершенно бесплатно. Да еще, пожалуйста бриться, такое скотское отношение к партнерам...

* * *

Наконец на двенадцатые сутки нашего путешествия, миновав границу и мой родной город Никольск-Уссурийский, поезд прибыл во Владивосток.

Стояло ранее теплое, июньское утро. Океанский ветер с бухты Золотого Рога доносил специфические запахи морского порта. Признаться, я от них слегка отвык, а мой приятель, впервые вдохнув «свежего» воздуха, сразу сморщился. Мы не стали нанимать извозчика, тем более лезть в трамвай. За одиннадцать дней вынужденного сидения в четырех стенах наши мышцы соскучились по движению и, подхватив свой багаж, мы бодро пошагали в сторону Алеутской улицы.

Четырехэтажное здание Приморского управления ОГПУ располагалось на Алеутской, 44 и охранялось очень серьезно. Помимо пары часовых у входа я заметил еще троих прохаживающихся перед зданием молодых людей в штатском. Предъявив предписание у входа, мы с Димой еще дважды подвергались проверке: в холле первого этажа и на третьем, где в одном из кабинетов и заседал наш новый патрон – Буренко Станислав Николаевич. Лысый крепыш средних лет в темно-синей гимнастерке и с одним ромбом в малиновых петлицах. Ого, большая шишка! Наш куратор являлся одним из заместителей начальника особого отдела ОГПУ Дальневосточного края!

– Заходите, заходите, – сказал он, отрываясь от трубки телефона. – Значит, прибыли, товарищи, – бодро начал он и, слегка потеряв руки, как бы говоря, мол, с вами мы теперь дел наворочаем. А вслух он сказал: – Светиться в управлении по некоторым соображениям вам не стоит. Поэтому предлагаю: сейчас погуляйте по городу, осмотритесь, на Семеновский базар загляните, а к вечеру явитесь по адресу Первая Морская, дом... Дом частный. Наш человек будет предупрежден. Думаю, там и поселитесь. Все подробности объясню вечером. А пока – свободны. Надеюсь, деньги у вас с дороги еще остались?

Мы утвердительно покивали и в некотором недоумении покинули здание ОГПУ.

Семеновский базар представлял собой целую улицу, во дворах которой велась активная торговля. Ближе к порту улица переходила в китайский квартал или попросту в Миллионку. Здесь уже Россией и не пахло. Здешние запахи непривычного человека могли не раз вывернуть наизнанку, прежде чем он сможет как-то приспособиться дышать местными миазмами.

На улицах, во дворах-базарчиках, заполненных мелкими лавочками, наспех сколоченными из досок, кипела торговля разными мелкими товарами, съестными припасами и безделушками, золотом, тряпками. Дымились переносные кухни, распространяя ужасный запах соевого масла и жаренной в нем тухлятины. Массы китайцев постоянно сновали в проходах, по лестницам домов, кричали, торговали, что-то ели, а в грязных и душных театрах, в густом дыму над небольшими столиками различной конфигурации, расставленными в партере, без умолку звучала китайская музыка, резавшая слух. Из харчевен доносились песни русских посетителей с утра уже отведавших ханшина. В отдельных забегах подобного рода стояла тишина, но оттуда тянуло сладковатыми запахами опиума. Во второй половине дня вдоволь нагулявшись по улице, и даже не дойдя до Миллионки, мы повернули назад. Правда, Дима с некоторым сомнением в голосе предложил отведать местной кухни, но зайдя в первую же попавшуюся харчевню, через секунду выскочил, зажимая нос.

– Хорошо, что трупов на улице не валяется, – пробурчал он.

– Да их нет. Манзы – народ предприимчивый, трупы на мыло или в пирожки пускают, – полушутя ответил я, после чего вопрос о дегустации местных деликатесов как-то сам собой отпал.

Глава 3

Константин Рукавишников. Операция «Золотой груз»

Дом, в который нас направил Станислав Николаевич, оказался окружен высоким забором, и мы долго стучались под аккомпанемент дворовой кабыздохи, пока хозяин не открыл дверь.

– Мы от товарища Буренко, – негромко произнес я.

Невзрачный человечек, молча проводил нас в большую комнату с маленькими, задернутыми занавесями окнами, где за накрытым столом восседал Буренко. Неплохо живут отцы-командиры! Я даже мысленно руки потер от предвкушения обильной трапезы.

– Присаживайтесь! – развел руки в гостеприимном жесте наш начальник.

Упрашивать не пришлось, мы чуть ли не с рычанием набросились на еду. Митька, одним движением с хрустом вырвал из гусиной тушки голенастую ногу и вмиг ее обглодал. Затем, пошарив взглядом по столу, ухватился за ломоть хлеба на полкаравая и, соорудив на нем огромный бутерброд из невообразимой смеси соленой рыбы, черемши и свиного око-рока, принялся уже неторопливо, со вкусом поглощать сие произведение. Я же на время зарылся в своей тарелке, на которой горой возвышалась любимая мной гречка со свиными шкварками.

Минут на десять в комнате установилось молчание. Наконец Буренко не выдержал:

– Ладно, товарищи, вижу, вы слегка насытились, пора нам выпить за знакомство, а потом обсудим наши проблемы, – заметил он, разливая по рюмкам прозрачную водку. Чокнулись, выпили.

«Специалист», – подумал я, глядя, как он ловко вновь наполняет рюмки. Повторили, закусили солеными грибами, и Буренко сразу перешел к делу:

– Вы, наверное, удивлены скоротечности приема в управлении? На то есть веские причины. – Буренко на короткое время прервался, ожидая нашей реакции, и, заметив заинтересованность на наших лицах, удовлетворенно продолжил: – Вы сегодня прошли по рынку, посмотрели на нынешний состав населения Владивостока. Скажу прямо, город захлестнула волна мигрантов из Китая и Кореи. Нет, их и раньше хватало, но при царизме великодержавный шовинизм не предусматривал равноправных отношений между нациями. Поэтому в административных подразделениях того времени было мало представителей национальных меньшинств. С приходом советской власти люди все выравнивались в правах, и это великая заслуга нашего государства. Представители различных наций сейчас честно трудятся на руководящих постах. И это, братцы, очень хорошо! Но иностранные разведки, используя местные диаспоры, внедряют в наши ряды под видом честных тружеников своих агентов. Наше ведомство эта чаша тоже не миновала. Проверки при приеме зачастую не очень помогают. Многие из этих ребят хорошо послужили советской власти в борьбе с Белым движением, но для некоторых из них интересы нации гораздо важнее нашего общего дела – становления коммунизма на всей планете! – Буренко перевел дух и уже тихо и как-то устало закончил мысль: – Короче, о любых телодвижениях в «конторе» на следующий день уже знает вся Миллионка. Предатели повсюду, а вычислить их сложно. Вот я и решил вас, как людей здесь еще не засветившихся, внедрить в среду местного криминалитета, легенда для вас будет подготовлена. Вопросы ко мне есть? – И, не дождавшись ответа, продолжил: – По нашим сведениям, из Шанхая во Владивосток на днях прибывает представитель Казахского союза с помощниками, для организации серии терактов, покушений на ответственных работников нашего аппарата и дестабилизации обстановки в Приморье. По возможно-

сти они постараются привлечь к участию в нападениях – хунхузов. Белокитайские бандиты, естественно, работать бесплатно не будут. Посредником и гарантом проведения акции должен был послужить некто Чжэн Чэнгун – авторитетный скупщик золота. Во время проведения операции по перехвату золотого потока, идущего с приисков, он и его два сына были захвачены нашими пограничниками. За обещание сохранить жизни ему и его сыновьям Чжэн Чэнгун готов сотрудничать с нами.

– А с какого припека мы в эту схему укладываемся? – спросил я.

– Китайцы знают в лицо только Чжэн Чэнгуна. Он же располагает информацией о времени и месте прибытия «казачков». Собственно, это не ваша забота, их мы перехватим, а вот на встречу с главарем банды хунхузов придется идти вам под видом представителей Казачьего союза. Оцепление на Миллионке ставить смешно. Захват главарей банды – вот ваша главная цель. А подстраховывать вас будет комендантская рота ОГПУ.

«Интересно, как она нас подстраховывать будет? Похоже, товарищ Буренко посылает нас на верную смерть. Уйти из китайского квартала с главарем банды просто нереально», – подумал я и, встретившись взглядом с Димой, понял, что он мыслит так же.

Заметив наше замешательство, Stanisлав Николаевич торопливо добавил:

– Сигнал к началу операции подаст младший сын Чжэн Чэнгуна – он не вызовет подозрения у хунхузов своим внезапным исчезновением. А мы, в свою очередь, выпустим сынка из тюрьмы только после того, как вы сможете сами подать нам весточку, что первая встреча прошла успешно. Не будут же бандиты держать вас на привязи все время? Для связи используем почтовый ящик на углу Светланской, там будут постоянно дежурить двое наших надежных товарищей.

– А разве не может этот, как его там, Чжэн, сдать нас после того как вы выпустите его сына? – спросил Дима.

– Нет, конечно, во-первых, если он вас представит «казачками», то ему обратной дороги не будет. А во-вторых, у нас в заложниках останется еще один его сын.

«Да, не позавидуешь этому китайцу, с одной стороны, наши к стенке прислонить могут, с другой – свои в землю закопают. Впрочем, какое мне до этого дело? Надо о своей голове позаботиться», – подумал я, а вслух спросил:

– Сколько времени у нас на подготовку?

– Пять дней. Вы вовремя прибыли, иначе пришлось бы брать только «казачков»

«Да уж – вовремя», – мрачно подумал я...

* * *

Раннее утро. С моря дует устойчивый влажный ветер. Небо нахмуренно, в тучах. Мы с Димой во дворе нашего временного (надеюсь) пристанища, занимаемся медитацией. Вернее, занимаюсь я, а Димка так, делает вид. Но и то хорошо, что утренние разминки вошли у нас в постоянство. Он парень здоровый, но вот с координацией движений у него не очень. Впрочем, за пять дней ничему человека не научишь. Зато хоть при деле. А то бы извелся весь, казни китайской ожидаючи.

Внезапно кабыздоха, уже смирившаяся с нашими чудачествами, творимыми в ее родном дворе, подала голос. В ворота тихо постучали, и пока хозяин дома не спеша подходил к калитке, мы с Митькой успели скрыться. Но тревога оказалась напрасной – пришел сам Буренко, а с ним и давно ожидаемый скупщик золота. Китаец как китаец: невысокий, средних лет, для солидности приодетый в суньятсеновский френч и роскошную шляпу. Stanisлав Николаевич тоже сегодня в гражданской одежде – конспирацию блюдет.

– Ну что, орлы, готовы? – бодро спросил начальник, входя в нашу комнату.

– Смотря к чему. Позавтракать мы, например, всегда готовы, – поумничал Митька.

– А, молодцы! Хорошая шутка перед делом всегда заряжает, – в том же духе произнес начальник. – Представлять сего м-м... субъекта вам не нужно, а вы теперь Сергей Воронцов и Андрей Коваль.

Воронцовым оказался я и тут же задал вопрос:

– Ваш Чжэн Чэнгун по-русски-то понимает или вообще немой?

– Понимаю, паря, – вступил в разговор китаец и добавил: – Во всяком случае, при переговорах толмачить смогу. – Говорил он по-русски довольно чисто, практически без акцента: – Вы, товарищи, не стесняйтесь, вопросы задавайте сейчас, чтобы потом не проколаться.

«Надо же, уже в товарищи к нам записался. Бойкий мужичок, далеко пойдет, если бошку не отрежут».

– Вы уже встречались с главарем?

– Да, Ма Хун приказал привести вас в харчевню «Золотой лотос». Но никакого разговора не будет до тех пор, пока вы не предъявите золото.

– А мы и не спешим, – вступил в разговор Буренко. – Пускай сначала ребята осмотрятся на месте. Да и неправильно это, сразу вываливать на стол плату за будущую работу. Или они «казачков» просто грабануть хотели?

– Нет, шайка Ма Хуна – организация солидная, – ответил Чэнгун. – Работать по заказу начинают лишь тогда, когда выплачен аванс. Например, за вашу голову, – тут Чжэн посмотрел на Буренко (тот невольно поежился), – не менее трех фунтов золота попросят.

– Выходит, «казачки» половину городской верхушки уничтожить намеревались, раз с собой гору японской валюты и полпуда золота тащили, – нервно произнес Станислав Николаевич.

– Так вы что, их живыми не взяли? – удивился я.

Буренко досадливо махнул рукой:

– Наши подопечные на юли-юли⁹ переправились через Амурский залив, да вот незадача – место высадки определялось с точностью пары лаптей на карте. Короче, взять-то мы их взяли и перевозчика тоже, но в виде холодных трупов. – Он зло посмотрел на китайца, как будто тот был виноват в постигшей их неудаче.

– Я не виноват, – торопливо ответил Чжэн Чэнгун. – На место встречи я привел вас точно. Ветер снес лодку, а ваши опера ломанулись по кустам, как лоси во время гона. Тут бы и глухая сова их днем заметила.

– Ладно, что толку сейчас руками размахивать, давайте лучше подумаем, обсудим ключевые моменты операции, – предложил я...

Харчевня «Золотой лотос» размещалась во дворе трехэтажного кирпичного здания. Лотосами здесь и не пахло. А вот работы для «золотаря» нашлось бы не мало. Слежавшиеся горы мусора и другие продукты жизнедеятельности человека и домашних питомцев воздуха не дезодорировали. И никого, похоже, кроме нас, это обстоятельство нисколько не волновало.

Во всю длину дома, представляющего собой некий огромный вытянутый коридор, на высоте второго и третьего этажей шли крытые галереи, сообщающиеся с флигелями маленькими и узенькими мостиками. Пространство здания буквально было пронизано массой входов и выходов.

«Интересно было бы посмотреть, как Буренко собирался штурмовать эту крепость с помощью комендантской роты?» – подумал я, глядя на сотни китайцев разных возрастов, снующих по своим делам. Конечно, его первоначальный план совершенно не годился.

⁹ Китайская лодка.

Сегодня до двух часов пополудни мы спорили до хрипоты и в конечном итоге решили все свалить на наш «авось». То есть действовать по обстоятельствам.

Внутри харчевни, у самого входа, нас встретили двое крепких парней. Обыскивать не стали, а молча, слегка поклонились и повели запутанными коридорами внутрь здания. В комнате с низким потолком, освещенной сумеречным светом, льющимся из двух крошечных окошек, за столом сидело трое. Естественно, китайцев. Старик, сидящий по центру, был одет в традиционный халат, богатую шапку, из-под которой выглядывала туго заплетенная коса. Одежда других не выделялись из общепринятой сейчас у китайцев моды. Сидящий слева от старика приглашающе указал нам на стулья, и разговор повелся через нашего сопровождающего.

– Что привело уважаемых к нам? – спросил «молодой».

Я, зная понаслышке о китайских церемониях, даже слегка растерялся. Ничего себе деловой подход! Сразу быка за рога. Наверное, у европейцев или американцев эту привычку приобрели. Во время интервенции кого здесь только не было! Впрочем, меня это устраивало.

– Нас интересует возможность проведения крупного теракта в городе. За оплатой дело не станет, – сказал я.

– Поточнее можете объяснить? Или вам все равно, потопим ли мы единственную канонерку пограничников, сегодня стоявшую в порту, или прихлопнем чиновника наркомпроса?

10

После провала операции по поимке «казачков» их истинные цели остались неизвестны. Зато при обсуждении операции Буренко вскользь упомянул о важном событии, которое произойдет в городе на днях. Рискну.

– На этой неделе во Владивостоке соберутся на совещание начальники погранзастав Приморья. Руководство казачьего союза предлагает вам совершить налет и уничтожить всю «верхушку» пограничного ОГПУ. В свою очередь, мы гарантируем оплату...

Китайцы переглянулись.

– Сколько? – только и спросил молодой манза.

– Полпуда золотом и восемьдесят тысяч иен за акцию.

– Надо подумать. Вы уедете, а нам здесь жить. Большевики после такой операции всех на уши поставят. Но мы не отказываемся. Возможно, найдем выход, который устроит и ваших нанимателей (ага, это он о японцах!), и нас.

* * *

Следили за нами довольно нагло – практически не скрываясь. Двое, откровенно бандитского вида китайца, следовали за нашей троицей от Миллионки. Чжэн попервоначально нервно оглядывался. Дима спокойный, как удав, величаво плыл сквозь толпу снующих торговцев, даже не смотря по сторонам, а я искал в столпотворении до зарезу нужную мне сейчас лавку с канцелярскими товарами. Наконец, уже в черте Семеновского базара заметив книжную лавку, я резко нырнул внутрь, предварительно бросив Диме:

– Китайцев в лавку не пускай.

В помещении было пустынно. Лишь за прилавком дремал сухонький «божий одуванчик», в круглых очочках – по виду типичнейший Карл Густавович. То бишь немец. Рядом с прилавком, на пюпитре, я сразу заметил чистый лист бумаги, чернильницу и перьевую ручку. Не обращая внимания на старика, я подскочил к подставке и, скрежеща плохим пером, вывел, умудрившись при этом посадить пару клякс: «Жду после девяти в трактире на Пер-

¹⁰ Чиновник Министерства образования.

вой Круговой». Я поднял голову и встретился взглядом со стариком. В мудрых глазах немца светилась ирония.

– Чем еще могу служить, молодой человек?

Ничуть не смутившись, я потребовал конверт, марку и, с сожалением оглянувшись на полки, заполненные тяжелыми рядами фолиантов, быстро упаковал конверт.

– Спасибо, Карл Густавович, на днях непременно загляну к вам, – сказал я, бросая две рублевые бумажки на прилавок.

Старик недоуменно пробормотал:

– Вообще-то я не Густавович, но все равно – милости просим.

От сильного толчка дверью Дима, все приказы воспринимающий буквально, получил удар в корму.

– Ты чего дерешься? – обиженно спросил он, почесывая пострадавшее место.

– А где Чжэн? – игнорируя вопрос приятеля, спросил я.

– Ушел куда-то. Сказал, завтра в это же время здесь, у лавки, нас дожидаться будет.

– А хунхузы?

– Да вон они! – Дима прямо махнул лапой на соглядатаев, сидевших за маленьким столиком под навесом китайской харчевни.

– А теперь куда?

Я взглянул на заходящее солнце, вздохнул и ответил:

– В Солдатскую слободу. В кабак с нами манзы не сунуться. Китайцев на Круговой¹¹ не очень-то жалуют, но сначала надо письмецо на Ленинской¹² в ящик опустить.

Мы шли по главной улице города и с интересом поглядывали на женщин, не спеша фланирующих в поисках вечерних развлечений. Шел восьмой час вечера, и давно уже пора было известить начальство о наших планах.

– Загороди меня от филеров, – попросил я своего широкого товарища. В момент, когда мы вплотную приблизились к почтовому ящику я быстро и незаметно для окружающих забросил конверт внутрь. В тот же миг из дома напротив вышел человек в форме почтальона, но я на него лишь взглянул и в следующее мгновение вскочил в пролетку, неторопливо проезжавшую мимо моего носа. Дмитрий последовал за мной.

– Гони на вторую Круговую! – шепнул я извозчику, и добрая коняга с ходу резво понесла нас в темноту узеньких переулков.

Оторваться от китайцев не удалось. Не прошло и пяти минут, как сзади послышался стук копыт, и при повороте в очередной переулок я заметил шикарную коляску с двумя лошадками в запряжке, в которой расположились наши преследователи. Так они и ехали до самой слободы, держась от нас на расстоянии двухсот метров. На окраине поселка остановились. Все же им хватило ума не соваться в вечернее время в рабочий поселок, иначе огребли бы по самое не балуйся.

– Куда прикажете? – спросил извозчик в тот момент, как мы въехали на территорию района.

– Давай к кабаку, – сказал я и не прогадал. Правильно мыслю: в рабочем районе, да без питейного заведения? Так не бывает.

– Вам в «Железку» или «Дезертиры»? – Вот, их оказалось даже два.

– Гони в «Железку», – сказал я наобум, и через пять минут мы уже входили в донельзя загаженный зал, где вечерами собирался местный люмпен-пролетариат.

Зал встретил нас пьяными репликами, взрывами хохота и матерщины. В воздухе витал застарелый аромат смеси сивухи, немых тел и кухонного чада. За длинными столами

¹¹ 1-я, 2-я и 3-я Круговые улицы входили в Солдатскую слободу дореволюционного Владивостока.

¹² Ныне опять переименовали в Светланскую.

сидели никак не менее сорока человек, что для не слишком большого зала показалось мне вначале приделом заполненности. Но, присмотревшись, я увидел в углу небольшой столик. На наше появление, казалось, внимания никто не обратил.

– Да, это тебе не «Славянский базар»! – с видом знатока во всеуслышание объявил Дима и шагнул следом за мной. Я даже оборачиваться на этого идиота не стал, а зря. После ловко подставленной подножки он, споткнувшись, ударил башкой меня в задницу и тут же с рычанием стал разворачиваться. Боец хренов!

– Стой, придурок! – зашипел я, оборачиваясь. При этом, улыбаясь, поднял руки, как бы заверяя местных подонков в своих благих намерениях. В следующее мгновение я, двигаясь задом, плюхнулся на стул.

– Господа-товарищи, этот столик после одиннадцати занят, – известил нас неряшливо одетый половой и небрежно смахнул со стола замурзанной тряпкой крошки и зазевавшегося таракана.

– А мы и не собираемся сидеть до полуночи, – ответил я с любезной улыбкой.

– Сделай-ка нам, братец, чайку, расстегайчиков с рыбкой и картошкой. Если нет, с рыбой, то с потрошками.

– Водки, товарищи? – сооротив на траченном оспой лице угодливую улыбку, спросил половой.

– Нет, товарищ, мы абстиненты, – довольно решительно заявил я, стараясь не глядеть в сразу затосковавшие глаза своего напарника.

– Развелось сектантов, бляха-муха, и плюнуть некуда! – пробурчал под нос половой, величественным шагом удаляясь за кухонную перегородку.

Прошло два часа, мы уже практически отужинали и даже расплатились, когда в дверях появился товарищ старший уполномоченный, наряженный в какой-то драный, серый пиджачишко и ямщицкий картуз. Бороду приклеил... конспиратор, а штаны форменные сменить забыл! Но Буренко и не собирался светиться в кабаке, а просто кивнув нам, сразу вышел. Ну и мы не стали задерживаться. Проходя мимо своего обидчика, тихо горевавшего за гра-ненным стаканом, Дима мстительно, походя, ткнул его носом о столешницу и, не дожидаясь реакции зала, тут же выскочил наружу. За ним последовал и я.

– Нет, ты понимаешь, что за акцию хунхузам предложил совершить! Да еще Чжэн Чэнгуна потеряли! Мама дорогая! – красно-бурый Буренко метался по небольшой горнице нашей новой конспиративной квартиры. Он вздымал руки, брызгал слюной и обзывался нехорошими словами, самое безвредное из которых в мой адрес было «контра». Я не оправдывался, молчал в тряпочку. Если он профессионал, то сам должен понять, что мы шли на встречу с бандитами без определенного плана, вот и пришлось выкручиваться. Наконец Буренко успокоился, сел к столу, дернул полный стакан очищенной и замер.

– Хорошо, значит, хунхузы, говоришь, пока на акцию не согласились? Ребята поумнее тебя оказались.

Станислав Николаевич опять стал ходить по горнице, потирал лысину. Видимо, массаж способствовал мыслительному процессу, потому что через пять минут он вызвал со двора сопровождавших его сотрудников и отдал распоряжения. После этого присел к столу.

– Ну, ребята, и задали вы мне задачку! Но ничего, – он подмигнул и, энергично рубанув рукой воздух, высказался: – Придумал! Наши товарищи пограничники слишком нам дороги, чтобы рисковать их головами. Поэтому поступим так...

* * *

Три дня мы сидели на конспиративной квартире, по словам Буренко нам следовало выдержать паузу. А в это время в «конторе» был пущен слух о том, что на днях морским

путем прибывает груз золота с Амурских приисков. Буренко – хитрая рыба, подослал своих агентов к предполагаемым предателям. В информации, скормленной индивидуально, каждому из подозреваемых, час и место прибытия бронекатера с золотом сильно разнился.

– Представляю, с каким нетерпением главари ждут вашего появления! – со смехом говорил он на второй день нашего вынужденного отдыха. – Напасть-то они нападут на бронекатер в любом случае, но и упустить оплату за предстоящий грабеж хунхузы явно не желают.

– А катер действительно придет? – с показной ленцой в голосе поинтересовался я.

– Обязательно! Тут работаем без дураков! – воскликнул начальник, привычно бегая по горнице.

– Я тоже на это надеюсь. Но если бронекатер прибудет не в обозначенное место и время? Операция может сорваться.

– Наоборот. Надо смешать их планы, заставить хунхузов нервничать. Катер прибудет только к вечеру. К этому времени главари, изверившись в своих подчиненных, решат сами поучаствовать в операции. К тому же швартоваться судно будет в бухте Федорова, а это далеко от первоначально обозначенных высадок в бухтах Первой и Второй Речки. В бухте Федорова хунхузов будет ждать засада.

– А вдруг они решатся напасть на катер еще в заливе?

– На чем? На лодках юли-юли? Вот следить за заливом они будут, это точно. У них целая система связи, не так ли, Чжэн? – обратился он к китайцу.

Чжэн Чэнгун тоже коротал время вместе с нами. Не решился податься в бега, а, как и обещал, терпеливо ждал нашего прибытия у означенного места на Семеновском базаре. На вопрос Буренко он кивнул и пояснил:

– Скорее всего, лодки будут держаться в пределах видимости друг друга и, как только интересующий объект появится, подадут знак флажками. Система сигналов, конечно, не такая, как на ваших военных кораблях, но не менее эффективна.

Интересный китаец, говорит прямо как российский интеллигент. Интересно было бы узнать, где он нахватался таких выражений?...

* * *

Ночь, мне не спится, ворочаюсь и с некоторым раздражением и завистью вынужденно слушаю залиvistый храп моего толстокожего товарища. Тик-так, тик-так, отсчитывают ходики – каждая секунда прожитой жизни перед риском потерять ее сегодня отмеряется довольно четко. В Москве сам стремился на оперативную работу, а сейчас перед делом вдруг охватил какой-то мандраж. Буренко, конечно, не жалко прикомандированную рабочую скотинку. Чтобы как-то отвлечься, вслушиваюсь в звуки за окном. На одиноком тополе во дворе заухал сыч, ему тут же с живейшим интересом ответила местная кабыздоха, на гавканье которой откликнулся хозяин поместья. Обложив беднягу трехэтажным матом, он спугнул нежную птицу, после чего собака примолкла, лишь изредка поскуливала, жалуясь на тоскливую скуку. Но вот примолкла и она, а в соседском саду подал голос соловей. Сначала робко, затем разразился длинной трелью. Под соловьиное пение я и уснул...

Проснулся после трехчасового сна в районе четырех утра, и, выйдя во двор, размялся, сопровождая физические упражнения дыхательной гимнастикой. Потом облился холодной водой из колодца, и мои ночные страхи куда-то пропали. Жизнь вновь заиграла оптимистическими красками, и сразу страшно захотелось жрать. Хозяйка дома, краснощекая молодка, как раз растапливала во дворе летнюю печь. Обтянутый шерстяной юбкой тугой зад склонившейся над очагом бабенки сразу навел меня на определенные мысли. Да, долгонько я

говел! Пялюсь на прелести слегка перезрелой красотки и вдруг замечаю, что она хитрым взглядом черного глаза косится на меня. Да еще и подмигнула!

– Хозяйка, накормишь? – враз охрипшим голосом пробормотал я.

– Могу и накормить, – двусмысленность фразы улыбающейся бабенки призывала к действию. Чем я и воспользовался.

Вмиг сократив расстояние, я развернул ее к себе и запечатал сочные губы крепким поцелуем. Через минуту, так и не разжимая объятий, мы очутились в сарае под сеновалом. Тут уж ничего не поделаешь, пришлось бабенку выпустить из объятий, зато, пока она поднималась по скрипучей лесенке на сеновал, я в полной мере ощутил ее стати, слегка придерживаясь за корму молодки. А в следующее мгновение сам орлом взлетел на сеновал, на ходу скидывая с себя одежду.

– Тише, тише, оглашенный, одежку не рви, – шептала она, а сама уже принимала меня в свое жаркое нутро и энергично подавалась навстречу...

– Марья! Куда подевалась, чертова баба? – петушиным вскриком донесся до нас заспанный возглас законного супруга, вышедшего во двор. – Ты посмотри, плита еле теплится, а эта сукина дочь шарится неизвестно где.

– Боров кастрированный, – с досадой прошептала разгоряченная молодка. – Сейчас иду! Опять пеструшки на сеновале снесли! Хрен лысый, ты когда дыры в курятнике заделаешь? – перешла она в наступление.

«Интересно, а где она на сеновале яйца найдет?» – подумал я, с опаской отодвигаясь в сторону. Но ничего, подруга пошарила в глубине сеновала и действительно выползла с пятком яиц в руках. Я умиротворенный лежал на сеновале и слушал ругань супругов, которая постепенно переместилась внутрь дома. После чего быстро соскользнул вниз и отправился к кухне – искать свой заслуженный завтрак.

Не успели мы позавтракать, как в дом пожаловал Буренко.

– Все, ребята, заканчивайте, – поторопил он нас с Димой.

А нам что? Нищему собраться – только подпоясаться. На поясе, правда, браунинг и наган в кобурах с обоих боков, под широким кожаным пиджаком. Стреляю-то я с двух рук. Еще пара метательных ножей в рукавах приспособлены. Вот и все мое вооружение. У Димы тоже наганы. Безотказный револьвер теоретически имеет на тысячу выстрелов всего одну осечку. Будем надеется, мне и одного нагана хватит, а патронов у меня в карманах, как у дурака махорки. Перед выходом Буренко выдал мне сверток с деньгами.

– Здесь десять тысяч иен, – прокомментировал он.

– Как десять тысяч? Они же просили половину вперед?

– Ничего, скажете, проблем не будет, после дела расплатитесь, – «успокоил» он меня.

Буквально через час мы уже были в китайском квартале, у «Золотого лотоса». На этот раз с нами разговаривал старик – двое молодых главарей, очевидно, уже сидели в засадах, поджидая прихода катера. Пожилой манза что-то негромко спросил, и Чжэн перевел:

– Почему вас так долго не было?

– На границе вышла задержка, уважаемый. Пограничники обстреляли людей, доставлявших нам деньги.

– Выходит, платить вам нечем? – спросил хунхуз.

– Отчего же? Обязательно заплатим, вот аванс. – Я небрежно подкинул сверток с японской валютой по другую сторону столешницы. – Здесь десять тысяч иен, да еще мы и сами поучаствуем в акции. Поверьте, мы – ребята опытные. В крайнем случае можете поддержать нас в заложниках, пока не придут деньги.

Старик тщательно пересчитал деньги и заявил:

– Хорошо, только цель акции будет другая, и произойдет она сегодня.

Я состроил недоуменное лицо:

– Это как? Выходит, не на пограничников нападём? Мы так не договаривались! – Я вскочил с места, старик успокаивающе поднял руки, и двое ринувшихся было на меня телохранителей, замерли истуканами.

– Спокойно. Мы сделаем большевикам больнее. Люди – навоз, а потеря десяти пудов золота для Советов очень больно ударит по экономике края. Тем более мы переправим потом золото именно в японский банк в Шанхае. Сейчас вас доставят к Ма Хуну – он руководит всей операцией. Возможно, вы еще успеете поучаствовать в нападении на конвой...

Ма Хуном оказался тот молодой парень, разговаривающий с нами при первой встрече. Сейчас, уже в полдень, он заметно нервничал, поглядывая в бинокль на воды Амурского залива.

«Судя по времени, предатель в нашей конторе, сливающий китайцам информацию, определился. Надо всего лишь постараться остаться в живых», – думал я, глядя на низко висящие тучи и почти пустынную акваторию залива. Кажется, собирался шторм, но несколько лодок, несмотря на моросящий дождь, сильные порывы ветра и довольно крутые волны, лавировали в отдалении и вроде не собирались причаливать к берегу.

Шайка хунхузов рассредоточилась на пустыре, недалеко от пирса. Вооружения не скрывали, да и от кого? Одно слово – пустырь, от основных улиц прикрыт косогором. У берега только несколько рыбацких лодок, владельцы которых старались не замечать столь опасных соседей. Время тянулось медленно, мы успели перекусить рисовыми пирожками, начиненными креветками, – Ма Хун пожертвовал от щедрот своих.

Затем мы с Димой укрылись от дождя в полуразрушенной лачуге, а Чжэн остался со своими земляками. Предстоящая сшибка не казалась легкой. Сорок боевиков, вооруженных винтовками, револьверами и холодным оружием – серьезная угроза даже для целой роты, а нам еще надо постараться захватить главаря живым. М-да, задачка!

Ближе к вечеру тучи разошлись, ветер стих и лишь волны в заливе никак не могли успокоиться. Именно в это время был получен сигнал, что катер появился в пределах видимости наблюдателей. Но через полчаса стало ясно, что катер не собирается идти до Второй Речки. А тут еще прибежал посыльный, очевидно, от осведомителя и передал, что конвой, приписанный сопровождать золотой запас до хранилища, направляется в бухту Федорова. Надо отдать должное хунхузам – никакой суеты! Быстро погрузились в телеги и коляски, на которых приехали сюда, и – вперед. Дима и я ехали в двуколке вместе с Ма Хуном, а наш китайский приятель Чжэн, похоже, тихонько слинял под шумок. Ну да бог с ним. Куда он денется от чекистов, раз уже засветился?

Не жалея лошадей, отряд неся по узкой дороге, пугая редких прохожих. Прибыли к пирсу у бухты, едва не опередив конвой. Казалось, все складывается удачно для хунхузов, катер подошел к пирсу, и едва матросы перекинули сходни, охрана споро перетасила на подводу три ящика с грузом. Но отъехать не успели...

Двуколка Ма Хуна двигалась в конце колонны, но и без главаря хунхузы знали, что делать. Они спрыгивали с повозок и с ходу вступали в перестрелку с немногочисленной охраной. В этот момент с чердака ближайшего дома ударил пулемет, а из-за камней, наваленных рядом с пирсом, прогремел залп.

Хунхузы попали под перекрестный огонь, и в первую же минуту половина из них были ранены или убиты. Ма Хун – ловкий черт! В тот момент, когда убитый возница нашей двуколки валился на землю, главарь перехватил поводья и резко развернул повозку. Я позволил ему это сделать, нечего было подставлять собственные головы под случайные пули, и, лишь когда двуколка перевалила через бугор, подмигнул Диме.

Он резко опустил свой кулак на голову все еще отстреливающегося телохранителя, а я синхронно сильно ткнул костяшками пальцев за ухом главарю и тут же занялся вторым телохранителем. Живчик! Ударом кулака телохранитель попытался проломить мою перено-

сицу, но, конечно, неудачно. Я успел уклониться и, в свою очередь, из положения сидя просто спихнул его ногой вон из повозки, а Дима без затей выпустил в телохранителя пять пуль из нагана. Испуганные лошади встали, и я огляделся. Очевидно, у пирса хунхузов побили. Но в этот момент из двух переулков высыпала толпа вооруженных людей – видимо, перед акцией Ма Хун разделил банду, и вот сейчас менее мобильная часть ее прибыла поддержать своих соратников.

– Хватай главаря! – заорал я Митьке и открыл огонь по толпе хунхузов, несущихся в нашу сторону. Мой напарник, грамотно прикрываясь телом еще не очухавшегося Ма Хуна, быстро отступал, а мне пришлось, отстреливаясь, плюхнуться в придорожную канаву. Мама дорогая! Вся эта банда сосредоточила огонь на мне! Я ужом скользил по канаве, стараясь побыстрее перевалить через бугор. На мое счастье, сделавший это ранее Дима выбрал позицию и на некоторое время смог задержать эту толпу, а через пару мгновений из переулка вылетел кавалерийский эскадрон.

– К бою! – сразу оценив обстановку, закричал командир эскадрона.

Едва завидев всадников, бандиты бросились врассыпную. Но куда там! Конники догнали и, сладострастно хекая, рубили их шашками. Поняв, что не уйти, с десятков бандитов сбились в кучу за стенами полуразрушенного старого дома и отстреливались до конца. Я лежал в канаве и пока не высовывался, боясь попасть под раздачу. Правда, одиночество мое вскоре скрасил один из бандитов, разрубленной тушкой свалившийся мне на голову.

Когда я, скинув с себя груз, приподнялся из канавы, все уже было кончено. Около трех десятков порубленных, пострелянных хунхузов валялось на земле. Досталось и кавалеристам: не менее трети эскадрона успели уничтожить бандиты. Теперь можно было позаботиться и о себе. Я поменял залитую кровью рубашку на относительно чистую гимнастерку, снятую с одного из убитых кавалеристов. Мародерство, конечно, но покойнику уже все равно, а мне появляться в городе в неприличном виде было как-то не с руки. Пока мы тут немножко воевали, бойцы, сидевшие в засаде у пирса, успели захватить в плен двух раненых.

Весь бой длился не более получаса, но пока допрашивали плененных хунхузов, пока собрали своих убитых и раненых – совсем стемнело, поэтому о налете на «Золотой лотос» нечего было и мечтать. Днем еще можно было попробовать достать старика, как оказалось – отца Ма Хуна.

Со слов экстренно допрошенных пленников именно он был мыслительным центром банды, а сам Ма Хун лишь энергичным исполнителем его воли. Но операция еще не была завершена – предателем, сливающим информацию хунхузам, оказался Иван Дунин, или Ван Дунь – оперативный сотрудник местного ОГПУ.

Сегодня он как раз дежурил в «конторе» и даже не в свою очередь. Видимо, решил держать руку на пульсе событий. Следовало, как можно скорее перехватить Ваню и вдуть ему по самые бакенбарды прямо на месте.

Скачка по темным улицам – полное безумие, но Буренко, оказывается, приехал сюда в автомобиле. Пофыркивающий старенький «форд-Т», выехав из ворот усадьбы, принял четверых пассажиров (в том числе и нас с Митькой) и понесся по кривым улочкам города, освещая дорогу неярким светом круглых фар. Славная машинка, только водитель ей достался никудышный. На ухабах, даже и поворотах, он даже не притормаживал, так что нас мотало по салону, как горох в погремушке. А у одного из кабаков на Морской улице нам пришлось притормозить – вылетая из-за поворота, машина на полной скорости сбила какого-то пьяницу. Мы и сами чуть не вылетели из салона. Митька, на секунду выскочив наружу, перевернул бедолагу, пощупал пульс на шее.

– Готов, – объявил он.

– Брось ты эту пададь! Садись быстрее, уйдет, уйдет паскудина! – заорал на него Буренко, и мы помчались дальше.

Ближе к центру города улицы были освещены огнем фонарей, но и движение было более оживленным. Несмотря на это, наш шофер мчался, распугивая прохожих и конные экипажи так, что всего за несколько минут доставил нас до здания конторы на Алеутской. Топоча сапогами по мрамору ступенек, мы ворвались в вестибюль.

– Что случилось, товарищи?! – спросил дежурный восточной наружности, приподнимаясь со стула вахтенной каморки.

«Вот он, красавчик, с ложной тревогой на лице стоит в окружении двух охламонов».

– Маньчжурский волк тебе товарищ! – заорал Буренко. – Хватайте его, хлопцы!

Сказать легко, а вот поймать мужичка не удалось. Больно уж ловкий тип оказался! Нас разделяли пять шагов и высокая стойка, и пока я в прыжке пытался достать эту тварь, китаец успел вырубить одного из охранников и заслониться другим. А в следующую долю секунды, когда уклонялся от падающего на меня охранника, я заметил наган в руке китайца. Мой-то был у меня в руках давно, и мы выстрелили почти одновременно. Он промахнулся, а я не очень. Точнее, очень не очень. Короче, голову ему прострелил. Надо же, горе какое!..

Глава 4

Константин Рукавишников. Командир ударной группы

С делами управились за полночь. Сначала обыскали труп предателя и ничего полезного не нашли. Потом определили на постой в подвал здания Ма Хуна, к допросу которого Буренко собирался приступить завтра. Вышло так, что ночевать нам оказалось негде. Да и сам старший оперуполномоченный не спешил на свою холостяцкую квартиру. Поэтому расположились прямо в кабинете. Еда была – Буренко отоварился в распределителе и теперь щедро делился собственным пайком с нами. Красная икра, балык нельмы, молодая редиска, копченая колбаса, коврига хлеба и, конечно, сало, и казенная водка появились на столешнице. Под чутким руководством нашего начальника мы с Митькой в четыре руки быстро собрали стол.

– Ну, выпьем, чтобы дома не журились! – произнес начальник и лихо опрокинул стопку в широкий рот.

– Дали бы мне волю, я бы этих китаезов в бараний рог скрутил! – заявлял через полчаса захмелевший Буренко.

– А в чем проблема? Батальон пехоты и – айда на штурм Миллионки! – заявил более его опьяневший Дима.

– Нельзя, брат. Политика! – для значимости водя указательным пальцем перед носом моего партнера, изрек Буренко. – Пока имеется хоть какая-то возможность влиять на политику в Поднебесной, наши дипломаты перед китайскими вождями расшаркиваться будут, а попробуй мы депортировать узкоглазых с Миллионки, такой хай поднимется! Опять же КВЖД – явно доходов с нее чуть, зато проложена до самого Порт-Артура.

– А как же золото? – невпопад спросил Дима.

– Ты о чем?

– Золото на катере везти еще опасней, чем по железной дороге, да и дольше...

Буренко рассмеялся:

– Не было на катере никакого золота. Вернее, его, конечно, загрузили на катер, а потом в пути сделали остановку и уже шли без груза. Золото давно в хранилище, доставка поездом действительно вышла быстрее. За грузом от самых Гилюйских приисков следили. Скажу прямо, золотодобыча на Амуре почти вся в руках китайцев. Вернее, большая часть золота уходит за границу, и ничего поделаться с этим пока не можем. Управление, конечно, сосредоточено в руках у русских, но работают на приисках в основном китайцы, и большая часть золота просто расхищается. От приисков кормятся хунхузы, спиртоносы, торговцы опиумом, скупщики золота. Наш Чжэн Чэнгун как раз и пытался организовать нападение на конвой с золотым грузом, когда мы его сцапали.

Только сейчас передо мной вырисовалась вся многоходовая комбинация. Золото доставили по-тихому. Уничтожили банду и часть ее главарей. «Приручили» Чжэн Чэнгуна. Выявили предателя в своих рядах. А нас... нас использовали, как кукол-марионеток. То-то мне сразу не понравилась засылка в банду без определенного плана. Нас подставили, проверяя на вшивость.

– А как же «казачки»?

Буренко, откровенно потешаясь, смотрел на меня, как на дурачка.

– Не было никаких представителей Союза казаков. Эта версия придумана для хунхузов и вас. Чэнгуну китайцы верили, и он нас не подвел – боялся, что мы его сыновей расстреляем.

– Кстати, Чжэн говорит по-русски очень хорошо, да и его обороты речи присущи скорее интеллигенту, чем пролетарию. Откуда дровишки? – спросил я.

Буренко усмехнулся:

– Все просто. Семья его из Харбина. Отец служил на железной дороге, а Чэнгун учился в русской школе. Очень толковый малый, сейчас бы работал в управлении железной дорогой, но посчитал, что скупать золото выгодней...

Станислав Николаевич замолк, прислушиваясь к звукам, доносившимся из коридора. Вообще после сегодняшней операции в здании ОГПУ былолюдно. Как по мановению палочки сразу после сшибки в вестибюле здания стали появляться работники нашей конторы. Видимо, ночная работа была им не внове и к тому времени, когда мы засели в кабинете, к зданию уже свозили первых арестованных. Большинство из них сразу волокли в кабинеты следователей. Правильно! По своему опыту знаю, что экстренное «потрошение» клиентов всегда дает неплохой результат.

Буренко наполнил стаканы.

– Все, ребята, по последней. Завтра с утра много работы. Мы с Димой займемся Ма Хуном, а ты, Константин, сходишь по одному адресу. Есть тут один бывший подполковник царской армии. Сейчас трудится заведующим отделом этнографии Владивостокского музея. Вот с ним и познакомишься. Человек прожил на Дальнем Востоке более четверти века. Этнограф, топограф, воевал с хунхузами. К власти Советов вполне лоялен. Да, и самое главное, у него много осведомителей среди местных аборигенов.

– А как его зовут? – полюбопытствовал я.

– Владимир Семенович Аристов.

– Это не он ли написал «Гольда»?

– Да, ты прав, он еще и писатель. Но самое главное, по непроверенным данным, он еще до революции работал на контрразведку. По моим сведениям, он до сих пор поддерживает отношения со своей агентурной сетью. Следует с человеком поговорить по душам, войти в доверие. Возможно, он и пойдет на сотрудничество.

* * *

Легко сказать. «войти в доверие», но как это сделать наяву, я пока не представлял.

Буренко, проявив высшую степень доверия (или пьяного разгильдяйства), оставил нас ночевать в своем кабинете. Промучившись всю ночь на жестком полу, я уснул только под утро. Не прошло и пары часов, как в дверь постучали. Я, недовольный, с опухшей непроставшейся рожей, пошел открывать.

– Вам кого? – спросил я, придерживая щеколду.

– Посыльный от товарища старшего оперуполномоченного, ваши вещи принесли, – проблеял голос за дверью.

Это дело! Теперь и привести себя в порядок можно, благо в кабинете имелся отдельный умывальник. По себе заметил – утреннее бритье снимает несильное похмелье, честное слово!

После легкого завтрака, состоявшего из остатков вчерашнего пиршества, я вышел на улицу, а Митька остался дожидаться хозяина кабинета. В городе было неспокойно. Я на это явление не обращал внимания, размышляя над поставленной задачей, пока очередной проходящий мимо патруль не озаботился наличием у меня документов. Показал им свое удостоверение и, дождавшись уважительного отдания чести, поинтересовался обстановкой в городе.

– Облавы в городе идут, – пояснил патрульный начальник. – Китайцы дальше своего квартала и не высовываются. Половина торговых мест на Семеновском базаре сегодня пустует...

– О, кстати о Семеновском базаре, – еще неясная мыслишка пробила в мою натруженную алкоголем голову и, не слушая далее пояснений начальника патруля, я устремился к рынку. В книжной лавке толпились школьники, и мне пришлось дожидаться, пока Карл Густавович снабдит эту гомонящую толпу, приведенную симпатичной училкой, всеми необходимыми им канцелярскими аксессуарами. Вчера перед уходом Буренко выдал на оперативные нужды полсотни серебряных полтинников, так что у меня была надежда разговорить старика-немца, сделав солидную покупку. Кстати, и тема для разговора нашлась быстро. Пока детвора лезла к нему с медяками, я успел найти на полках томик «Фауста» и небольшую книгу Аристова.

– О, молодой человек интересуется произведениями немецких классиков! Весьма редкое явление в наше время. – Книжный торговец замшевой тряпочкой тщательно вытер запотевшие очки и пригляделся ко второй книге. – Да, выбор отличный! «Гольд» популярен в народе, да и автор... очень приличный человек. Знаете, я с ним не понаслышке знаком.

– Очень интересно! Я сам мечтал встретиться с ним. А тут случай. Знакомые из Ленинграда просили его навестить, а вот подарком в знак уважения я как-то не удосужился обзавестись в дороге. Простите, Карл...

– Карл Францевич, – расшаркался старик.

– Так вот, может быть, вы подскажете мне, что может заинтересовать Владимира Семеновича?

Старик задумчиво протер очки и, внезапно оживившись, проговорил:

– Идемте! – И как бы оправдывая свой совсем не коммерческий порыв, добавил, уже закрывая дверь на амбарный замок: – Сейчас все равно покупателей практически нет.

Через пять минут, оставив за собой базарную суету, мы очутились в загончике, где народу практически не было. Торговцы – народ привычный, но многие покупатели не сворачивали в этот рыночный тупик по причине густой вони, исходящей от свалки гнилья в овраге, соседствующей с этим местом. Но и здесь все же было не безлюдно. На прогнивших досках или прямо в пыли сидели люди, торговавшие всяким хламом. В основном это были пожилые китайцы и уроженцы Корейского полуострова. Вполне возможно, продаваемое барахло было лишь прикрытием для каких-то нелегальных сделок, потому что я видел расслабленных молодых людей, подходивших к продавцам и тотчас отваливающих от них без долгой торговли. Видимо, они заранее знали, что им нужно...

На старика-китайца я чуть не наступил – так он лихо замаскировался, сидя среди обломков какой-то хижины, к которой меня подвел немец.

Темно-серый донельзя заношенный халат старика сливался с гнилушками, так что немудрено было сразу не заметить торговца.

– Здравствуй, ходя¹³. Вот клиента к тебе привел. Покажи ему монеты. Ты уж его не обижай. – И, тут же повернувшись ко мне, добавил: – Вот мой хороший знакомец Ван Мин, по-русски он говорит плохо, зато торгуется здорово, глядите, чтобы не облапошил! – И, похлопав меня по плечу, Карл Францевич неторопливо побрел к своей лавчонке. Китаец, бесстрастно переждав монолог, жестом фокусника высыпал передо мной горсть зеленоватых кружков с квадратной дыркой посередине. Очевидно, это и были монеты. Я уставился на них, как баран на новые ворота.

– Один монет – один рубль серебром, – меж тем объявил цену старик.

¹³ Ходя – прозвище китайцев.

«Ничего себе! За всякую рухлядь платить такие деньги!» – мысленно воскликнул я. Но, понадеявшись на немца, все же взялся яростно торговаться...

* * *

– Династия Тан, VII–X века нашей эры, – произнес Аристов, любовно разглядывая монеты.

Мы сидим в маленькой комнатушке частного домика на Бестужева. Час назад я отловил Аристову при выходе из краеведческого музея. Вначале он даже не понял, что конкретно от него хотят, но я, сославшись на Карла Фрацевича, попросил оценить находку, заодно представившись большим поклонником его литературы. Был приглашен на обед, и вот теперь мы сидим в этой клетушке.

– Кстати, а как монеты к вам попали? – спросил Аристов.

– Долгая история, досталось по наследству, – небрежно соврал я.

– А Рукавишников Сергей Ильич вам часом не родственник? – спросил Аристов. Представляясь, я назвал свою фамилию и, чтобы вызвать определенную степень доверия, рассказал, откуда я родом.

– Это мой отец, – просто ответил я.

Аристов обрадованно пожал мне руку:

– Ну как он? Все еще под Питером? Мы с ним давние приятели...

– Умер. В девятнадцатом от тифа.

Подполковник, не скрывая огорчения, на минуту задумался.

– Любые пертурбации в обществе ведут к невосполнимым потерям, – наконец выдал он из себя. – У меня, знаете, жену бандиты убили. Всё ценности искали, – добавил он горько. – А какие у меня ценности? Живу в этой халупе. Всю жизнь служил родному отечеству...

«Да, кабинетик у него маловат». В помещении просто негде было повернуться. Книги, рукописи и экземпляры коллекций, собранные в экспедициях, громоздились как придется. Комната, в которой мы перед этим обедали, похоже, служила еще и спальней хозяев.

– У вас, как я заметил, теперь новая семья?

Аристов посветлел лицом.

– Да, вот и дочурка маленькая растет... А вы как в наших краях оказались? – спросил он.

Врать не хотелось, так что я пока отделался туманной полуправдой, намекнув, что работаю на закрытую государственную структуру.

Потом разговор сам собой свернул на политическое положение, сложившееся на Дальнем Востоке.

– Из Москвы не видно, в каком действительно плачевном состоянии находятся позиции советской власти на Дальнем Востоке, – говорил Аристов. – Волна переселенцев с юга буквально захлестнула наш Дальний Восток. Япония после аннексии Кореи постепенно выдавливает коренное население на север, в наши пределы, сажая на занятые земли своих безземельных крестьян. С территории Китая, пользуясь слабой защищенностью нашей сухопутной и морской границы, постоянно прибывают переселенцы. Мало того, в районе Северного Хингана, по моим сведениям, получили земли более четырнадцать тысяч китайских военнотружеников. Своеобразное китайское казачество. Это плацдарм для нападения! – воскликнул он и перевел дух.

– Владимир Семенович, а откуда вы получили сведения о переселенцах в районе Северного Хингана? – вкрадчиво спросил я.

– Не скрою, у меня есть свои источники, – спокойно ответил Аристов, и взгляд у него при этом был понимающий с легкой насмешкой во взоре. Не стоило, наверное, сразу брать быка за рога, и я свернул разговор в сторону.

– Когда мы ехали по КВЖД, наш поезд дважды подвергнулся нападению, второй раз – возле самой границы.

– Протяженность нашей границы с Маньчжурией около трех с половиной тысяч километров, и банды действуют не только на территории Китая, но и сквозь наши границы проходят практически спокойно. Слишком малочисленны наши воинские гарнизоны, да и пограничные заставы не справляются пока с бандами в столь труднодоступной местности. На морской границе положение еще более плачевное. С тех пор как адмирал Старк увел остатки Сибирской флотилии в Манилу¹⁴, на всю береговую линию осталось всего несколько боевых судов. А береговая линия у нас от Камчатки до Владивостока составляет 2000 миль. Иностранные хищники резвятся в акватории, как у себя дома. Японцы, китайцы, корейцы, американцы вывозят богатства Дальнего Востока, не платя России ни копейки. – Аристов замолчал, очевидно, дожидаясь вопросов с моей стороны, но что я мог ему сказать? Когда еще у Центра дойдут руки до окраин? После двух войн и оккупации страна еще не восстановила в полной мере промышленное производство. Люди из Центральной России не очень-то спешили переселяться на Дальний Восток. Впрочем, не дорос я еще до обсуждения столь глобальных вопросов...

Расстались мы по-дружески, и он долго стоял в воротах своего домика, глядя мне вслед. Для первого дня знакомства вполне было достаточно двухчасовой беседы.

Была еще одна проблема, которую старательно не упоминал в разговоре Владимир Семенович, – выгнанные с территории страны русские люди, многие из которых до сих пор не смирились с поражением. Одного из таких деятелей Белого движения я и застал в кабине у Буренко.

Моего возраста молодой парень в мятом сером костюме, заляпанном кровью, густо льющейся из носа, отхаркивался и цедил матерщину сквозь разбитые губы. Дима потирал напряженные кулаки, а Буренко, видимо, ожидая ответа, склонился над допрашиваемым. Увидев меня, он обрадовался и, вызвав из коридора конвоиров, приказал отвести задержанного в камеру.

– Вчера во время облавы задержали субчика! – радостно объявил он. – Невдалеке от войсковых складов с динамитными шашками в кармане ошивался. Не иначе, как склад боеприпасов подорвать намеревался. Пока не раскололи, ну да не беда – динамит и сам улика не маленькая. Шлепнем, не заморачиваясь поисками дополнительных доказательств, – радостно сообщил Буренко.

– А как с Ма Хуном, уже допросили? – спросил я, присаживаясь на освободившийся стул.

Буренко сразу погрузился лицом.

– Тут незадача вышла. Прошляпили караульные – он ночью себе гвоздем вены вскрыл. Ну а ты как прогулялся, удачно?

Выслушав мой рассказ, Stanisław Николаевич энергично потер руки.

– Это хорошо, у нас как раз наметилось...

Он остановился на полуслове и вдруг произнес, обращаясь к моему напарнику:

– Дело к вечеру, ну-ка, Дима, сгоняй в буфет и организуй нам пожар. Скажи Марусе, что я попросил, как всегда, но в тройном экземпляре.

Когда за Дмитрием закрылась дверь, Буренко, понизив голос, сказал:

¹⁴ В 1922 году накануне взятия Владивостока большевиками адмирал Старк увел невостребованные интервентами остатки Тихоокеанского флота и банально продал.

– Парень он неплохой, но простодушный, а таким я не очень доверяю. Короче, слушай. Принято решение организовать мобильные ударные группы по двадцать – тридцать бойцов, для борьбы с хунхузами и белогвардейской сволочью, оперирующих на нашей территории. Бойцы есть, а вот проводников, хорошо знающих местность, немного. Не из контрабандистов же их набирать? Думаю, твой Аристов согласится помочь нам, только вряд ли пойдет на прямые контакты. Возможно, ты послужишь посредником? – Буренко вопросительно взглянул на меня, гадая, смогу ли я найти подход к столь неординарной личности. – Ну и мы со своей стороны поможем, чем сможем. Квартирку ему организуем получше, чтобы научной деятельностью товарищу было, где заниматься...

* * *

Через шесть недель после описываемых событий я стоял напротив собранной группы бойцов. Наш лагерь был разбит в долине реки Уссури. Вернее, еще не было никакого лагеря. Просто ровная площадка, скрытая от глаз густыми зарослями хвойно-лиственного леса. По оперативным данным, именно здесь, в предгорьях Сихотэ-Алиня у слияния Бикина и Уссури, действует банда контрабандистов-хунхузов. Бандиты, пользуясь труднодоступным рельефом местности, не только переправляют товары с китайской стороны, но и не брезгают грабежами и убийствами. Пограничники не в силах с ними бороться.

Проводника-нанайца, хорошо знающего местность, нам подобрал сам Аристов. Семен Раскорякин представлял собой колоритную фигуру. Маленького роста – мне едва до подмышки доставал, кривоногий и сухой до невозможности, но сила в нем тем не менее чувствовалась. Я имел возможность наблюдать, с какой легкостью и терпением он пер здоровенный мешок с вещами и провизией на своих плечах, в то время как наши бойцы свои грузы везли на лошадях. Еще одной примечательной особенностью данного товарища мог послужить громадный шрам, рассекший и без того невысокий лоб. Я у него не преминул спросить, в схватке с каким зверем он его заработал.

– С женой, однако, подрался, – беспечно заявил Сема.

Чувствовалось, что приятель большой любитель заложить за воротник, но проводником он действительно был отменным. Еще одной особенностью нашего проводника была невосприимчивость к укусам летающих насекомых. Вернее, гнус его почти и не кусал. Интересно было наблюдать, как парочка шмакодявок медленно и совсем неназойливо присядут на прокопченную шею нашего проводника и после небольшого раздумья снимаются с места в поисках более приятной поживы. А такой хватало! Остальные члены отряда казались им вполне съедобной добычей. Так что путешествовали мы с довольно солидным эскортом...

Бойцы прибыли на станцию Бикин со своими лошадками, но для этого мне пришлось их дожидаться двое суток. Сборный отряд собирали со всего Приморья, а последние три вагона прибыли из самого Хабаровска. Доставка лошадей железной дорогой – дело хлопотное. Чтобы перевезти кавалерийский эскадрон, требуется целый состав. Лошадь животное неприхотливое, но более восьми в теплушку все же не уместить.

После того как весь отряд был собран, мы еще двое суток добирались своим ходом до места, намеченного под лагерь. Добрались без хлопот – бойцы собрались опытные, да и проводник вел вполне приличными тропами и знал броды в мелких речушках, и даже галечник на перекатах и несколько встреченных в пути буреломов не помешали нам добраться до места быстро и без потерь.

Сейчас, стоя перед своей командой, я придирчиво оглядывал снаряжение бойцов. Обмундирование не новое, но крепкое. Обувь тоже. На головах широкие шляпы с сеткой от комаров. Все обеспечены трехлинейками и холодным оружием. У некоторых на поясах висели кобуры с личным оружием. Мне предлагали взять с собой пулемет Гочкиса, но я не

решился. Толку от него в такой местности мало, а вот таскать двухпудовую дуру да еще с кучей патронов по тайге – приятного мало. Зато патронов к винтовкам и продовольствия я набрал немало, да еще палатки. Наши лошадки были нагружены изрядно, так, что нам пришлось временно превратиться в пехотинцев, да и не очень-то по тайге и сопкам наездишься верхом...

Я не стал произносить пламенную речь насчет доверия, оказанного нам, важности нашей операции и нести прочую лабуду. Кому положено, наверняка уже проводил беседы с бойцами. Во время смотра я только выбрал командиров отделений и под их руководством бойцы скоро и умело стали возводить наш временный лагерь. Главной задачей теперь стало провести учения по слаживанию действий, чтобы во время боевого столкновения каждый боец знал свое место в строю.

В этот же вечер наш проводник ушел. По нашим сведениям, банда в данный момент находилась на территории Китая. Семен обещался выследить хунхузов и предупредить, когда они перейдут нашу границу. Мне пока было непонятно, как можно выследить небольшую группу людей в необъятной тайге, следовало только уповать на слово рекомендованного Аристовым человека...

* * *

Жизнь и подвиги Семена Раскорякина.

– Вообще-то меня зовут Суре Гаер – топор по имени. А фамилия у моих соплеменников одна на всех. Когда я родился, папаша, взглянув на мое лицо и сравнив с только что приобретенной железкой, назвал меня Суре. Радует... папаша отдал за один топор две шкурки соболей и, видимо, я для него значил не меньше. Впрочем, повесть моего появления на свет мне рассказывала мать – отец давно уже сдох от ханшина, возможно, она и приукрашивала что-то в своем повествовании. Отец помер, когда мне и пяти весен не исполнилось. После его смерти мы с матерью стали жить в фанзе моего дяди. Великий был шаман! Его даже китайцы боялись, а русский начальник Аристов очень уважал. Мать рассказывала, что брат отца как-то раз проводил обряд нимган¹⁵, когда к нам в жилище заявили китайские кредиторы. Дядя только что загнал в фаню¹⁶ душу отца, и вся семья собиралась трапезничать на поминках, когда в жилище пожаловал скупщик пушнины, а с ним трое помощников и без особых разговоров попытались забрать мою мать в счет оплаты долга. Дядя их предупредил, что далеко они не уйдут, но они не послушались. Дураки! Бачелаза – река коварная, особенно в период паводков. Китайцев взял к себе дух реки, наверное, дядя его попросил. А мать выбралась, правда, болела потом маленько.

С тех пор к нам китайцы и не наведывались. Наоборот, дяде самому приходилось сдавать шкуры в китайской фактории на реке Бикине, а это путь неблизкий. Зато в наших угодьях чужих промысловиков поубавилось.

На одиннадцатую весну моей жизни дядька взял меня с собой в факторию. К этому времени русские уже построили железную дорогу, и я впервые увидел паровоз. Сильное впечатление! Амба¹⁷ так не ревет, когда отгоняет человека от своей добычи! С тех пор я уяснил, что железные гайки от рельса не стоит пытаться отворачивать, когда вдали появляется это дымящее чудище. Дядька отсоветовал.

Сначала все мне во внешнем мире казалось странным. Русские вообще на настоящих людей не были похожи и законы у них мне показались довольно необычными. Хотя Аристов

¹⁵ Нимган – погребальная церемония, проводящаяся через семь дней после кончины.

¹⁶ Фаня – специальная кожаная подушка, набитая травами.

¹⁷ Амба – тигр.

мне понравился. Сразу было видно, что это не злой человек и неплохо разбирается в наших обычаях. Да и по тайге двигается, как настоящий человек. Хотя, конечно, сразу видно, что он духов не видит. Вообще что китайцы, что русские с лесом и стихиями плохо дружат. По их мнению: вода, воздух огонь и предметы не имеют души, а с животными невозможно разговаривать. Что поделаешь? Эти люди давно живут в больших селениях, где нет места духам природы...

Мне шла пятнадцатая весна, когда я впервые ходил с Аристовым по нашей тайге. Тогда и получил от него в подарок свое первое ружье. За дело, конечно.

В тот день мне с утра было не по себе. Дул осенний северный ветер. По небу медленно ползли тяжелые тучи. В ущелье, где к вечеру расположился наш лагерь, духи воздуха устроили свистопляску. Речушка, протекавшая по дну ущелья, сердито ворчала, жалуясь на беспредел проказничавших духов. Я пытался возжечь костер и пожаловаться Санги Мапа¹⁸ на его расшалившихся детишек. Но мне не удалось добраться до него. Тогда я сказал Аристову, что нам нужно срочно убираться отсюда. Он не прекословил, и наш лагерь не более чем за час переместился почти на вершину соседней сопки. Последние грузы мы переносили под ливнем. А еще через два часа мелкая речушка превратилась в грозный поток, сметающий все на своем пути. Всю ночь мы сидели в мокрых палатках, не пытаясь даже развести огонь. Ливень не прекращался трое суток, и мы потом с трудом выбрались из ловушки, устроенной нам духом этой реки. А винтовку начальник подарил мне через два дня. Непогода разогнала зверье, и старый амба, хозяйничавший в этой округе, с голодухи решился поохотиться на нас. Он долго шлялся вокруг нашей колонны, двигавшейся по тропе, и даже устроил засаду в буреломе, пересекавшем лесную дорожку, но собаки его вовремя учуяли, и солдаты выстрелами отогнали зверя. Кстати, о собаках – на них-то в основном и охотился старый разбойник. Для амбы собачка вкуснее молодого поросенка.

Из-за угрозы нападения мы рано встали лагерем, чтобы до темноты набрать побольше топлива. Первым на стражу встал я. Аристов доверил мне «мосинку», с которой я быстро разобрался, а стрелять из ружья я умел, у дяди свое имелось, и он временами давал мне потратить несколько патронов во время совместной охоты. Так вот: сижу я, отвернувшись от костра, и вроде как дремлю, а сам вижу тень, изредка подкрадывающуюся к нашей стоянке. Тигр опытный – дожидается, когда люди заснут окончательно. Собаки поскуливают, ближе к центру сидят. Готовы сами в костре изжариться лишь бы старому амбе в зубы не попасть. Но вот старик решился: беззвучной тенью выступив в свете костра, он взвился в воздух, тут я его и достал. С одной пули в голову. Амба перекувыркнулся, мяукнул жалобно и напоследок все же придавил одну из собачек, дотянувшись случайно уже мертвой лапой.

С этого дня трехлинейка так и осталась у меня, а по окончании похода Аристов подарил больше сотни патронов. С винтовкой я до весны добыл три амбы и лесную кошку¹⁹. Дядя предупреждал меня, что не стоит таким образом наживать богатство, но я его не слушал. Продав китайцам лапы, кости и усы зверей, я мог купить себе целых два ружья с боеприпасами, а после продажи шкур русским я почувствовал себя богачом и решил жениться. Все же шестнадцатая весна мне шла, пора было отделяться от дяди. Мудрый был старик – не зря мне говорил, что на убийцу тигров могут рассердиться боги. В тот год, когда я привел в жилище жену, большая война между русскими уже до нас докатилась...

Жена мне крепкая, большая досталась – на голову меня выше. Отец у нее из староверов был, а мать – наша. Я за нее большой выкуп дал. Матери шаль и юбку русскую подарил, мешок чумизы²⁰ отдал, две лопаты и хороший топор в придачу и не жалко было – уж больно

¹⁸ Санги Мапа – хозяин неба у нанайцев.

¹⁹ Лесная кошка – дальневосточный леопард. На данный момент в природе их менее 40 особей осталось.

²⁰ Чумиза – черный рис.

Марья красивая и на любовь охоча. С этой любви и начались мои беды. Из дому две недели только по нужде выходили. Все припасы подъели и на зиму глядя пришлось мне побегать, заготавливая корм для семьи и собак. Потом пушной зверь выкунился, и я ушел на дальние охотничьи угодья, плашки на зверя ставить, а когда вернулся, то застал в своем доме троих вояк, то ли белых или красных непонятно. Может, вообще дезертирами были, но у меня дома они не скучали и жена с ними, а когда я начал возмущаться, то меня вежливо послали на хрен и наградили пинком для ясности. Время смутное, и я мудро поступил, предварительно спрятав винтарь во дворе. Если бы пришельцев было более пяти человек, я ни за что с ними не справился, да еще винтовку могли отнять. А тут, разведав обстановку и дождавшись, пока гости уснут, я вошел в дом и, передернув затвор винтовки, скомандовал им убираться. По-русски к этому времени я болтал неплохо, и гости бы убрались, но все дело испортила моя супруга. К моему удивлению, пока я держал под прицелом ее дружков, она кинулась на меня со скребком для зачистки шкур и даже полоснула меня по лицу. Дура пьяная. Мужики повели себя не лучше – кровь на моем лице послужила поводом для нападения. Так хищники поступают, желая добить свою жертву. Но я-то был вооружен! И первая пуля разнесла череп бородатого русского. Я еще успел выпалить в грудь долговязому парню, а вот третий мужик успел отвести ствол в сторону и впечатал волосатый кулак мне в грудь. Попади он выше – легко бы со мной расправился, но пока он пытался поднять отлетевшую винтовку, я полоснул противника ножом по шее. Кровь ударила тугой струей, и мужичку стало не до схватки. Он пытался пережать место разреза, но где уж там, я ему кровяную жилу перерезал. Через пару ударов сердца мужик тяжело грохнулся на земляной пол. А Марью я выгнал. По холодку. Зимой оно ей легче добраться до родного становища...

Дом без женщины и детей – неуютное жилище. Мне, лесному бродяге, он и не особо нужен. Дождавшись ранней весны, я решил податься в люди. То есть вышел к железной дороге, а там меня подхватила волна Гражданской войны. Сначала в Бикине попал под мобилизацию. Даже и не понял, как получилось. Сидел себе спокойно в трактире, обмывали со знакомым скупщиком пушнины Ванькой Медведевым удачную сделку. Вдруг двери нараспашку – влетают десяток военных и с ними большой начальник. Давай документы требовать. А какие документы у гольда? Я такого важного слова в то время и не знал. Бросили меня в клетушку, где еще десяток таких же страдальцев обитало. А утром предложили: или записывайся в армию, или повесят меня. На верхнее небо как-то еще не очень хотелось. Стал я солдатом. Временно. В Хабаровске, куда пригнали наш эшелон, направляющийся на Западный фронт, я удрал. Фельдфебель, надзирающий за жильцами нашей теплушки, напился, а дневальный был из местных и сам решил податься в бега. Так я впервые оказался в большом городе, и гнить бы мне на какой-нибудь свалке прирезанным местными бандитами, но, видно, на верхнем небе меня еще не ждали. Случайно на улице я встретил Аристова. Он и приютил меня временно, а потом с артелью рыбаков я смог убраться в тайгу...

Аристов посоветовал вообще пару лет не высовываться, а сидеть дома и не чирикать. Но рябчиком отсидеться не удалось...

Вышли мы к устью реки Самарга, где, по словам артельщиков, их дожидались две лодки и шхуна. Было самое время хода лосося. Еще в горах нас застала непогода, а когда спустились к устью реки, стали видны последствия налетевшего тайфуна. В заливе ходили большие волны и ни одной шхуны поблизости. Рыбачьи лодки были вытащены далеко на берег, кроме нашей смешанной команды, состоящей из трех удэгейцев, пяти русских и одного гольда, на берегу расположились человек тридцать китайцев и корейцев, которые недобро поглядывали на вновь прибывших. Удэгейцы, ждавшие нас здесь с лодками, сказали, что договориться с ними не удалось, каждая команда хочет единолично перекрыть сетями реку. Я еще тогда подумал, что не миновать драки, только вот не угадал с кем. На следующий день, когда море успокоилось, в залив прибыла команда японцев. Да не одни, а с военным

катером, который без промедления начал расстреливать из пулемета лагерь рыбаков. При первых же выстрелах подхватив свою котомку и винтовку, я спрятался в прибрежных зарослях. Сидел и дрожал, и немудрено – впервые попал под пулеметный огонь, но чудом выжил. Не всем так повезло. Более половины людей осталось на берегу, а высадившиеся на берег японцы добились раненых. «Вот тебе и получил за рыбу деньги!» – помню, посетовал я. Дело в том, что артельщики обещали с уловом дойти на шхуне до Владивостока и там честно расплатиться со мной вырученными деньгами. Теперь пришлось идти в родное становище с пустыми руками, а зима уже была не за горами. Хорошо еще ружье и кое-какой припас с собой в котомке успел захватить.

Зимовал в стойбище у дядьки. В самое суровое время, когда птицы на лету замерзали, прибились к нам десяток красных партизан. Их отряд разгромили, и оставшимся в живых в отличие от нас повезло – наткнулись на наше стойбище. Нет, места хватало всем, да и дрова под боком. Только с едой плоховато было. Партизаны попались не очень приспособленные к таежной жизни – только один из них был охотником. Так что пришлось нам трудиться с дядькой, промышляя по заснеженной тайге. Зимняя охота в том году была на редкость неудачной. Слишком много снега выпало в наших краях. Косули откочевали в Маньчжурию. Кабанов мы в округе почти всех еще с осени выбили. Так что иногда были рады двум-трем зайцам, пойманным в петли. Но голод не главная беда, случившаяся той зимой...

Партизаны занесли в становище черную оспу. Зимовали в тесноте, так, что к весне только шесть партизан, да мы вдвоем с шаманом выжили. Все дети и женщины умерли. Умерла и моя мать. Дядька очень переживал, что беду не смог отвести. Сказал, что духи его оставили. После чего и сам решил уйти дорогой смерти. Но прежде, перед кончиной, намерился дядька посвятить в шаманы – к этому дар у меня наследственный имеется...

Целая луна прошла с момента наступления Нового года²¹. Тайга тяжело просыпалась после жестокой зимы. Мы сидели с дядькой на вершине освободившейся от снега сопки, наблюдая за робким пробуждением жизни. Внизу, под нами первые подснежники разбавляли желтизной суровую зелень хвойной поросли. Птицы, радуясь весне, перекликались в кедровнике. Худой медведь, недавно вылезший из берлоги, напряженно нюхал весенний воздух. Жизнь кипела, а вот нам с дядькой было нехорошо. Видимо, злой дух напоследок решил свалить нас – самых сильных его противников. Я чувствовал большую слабость, и трясло меня здорово. Глаза дядьки были тусклы, все лицо покрыто красной сыпью, но он ценой своих последних сил все же решился изгнать из меня злого духа. Шаман поднялся и ударил в бубен. Дрожащий звук пронесся над тайгой, призывая домашних духов на борьбу с чужестранным злом. Я лежал на теплой подстилке, вслушиваясь в рокот вибрирующей кожи. Постепенно я перестал ощущать присутствие живых существ вокруг меня. Не стало тайги, птицы перестали петь, лишь ветер и звуки камлания доходили до моего сознания, а с соседних сопки стекались тени духов, пришедшие на вызов. Они готовы были сразиться со злым духом, так, как любили наши тела и запах нашей крови. Я видел, как злой демон вылетел из наших тел и бросился в битву, но наши помощники набросились на него, как яростные собаки на большого медведя, и стали рвать его в клочья. Но демон был хитрый: когда от его серой тени осталась только одна треть, он истончился и, превратившись в черное копьё, пронзил моего дядю, а затем, жутко захохотав, стремглав унесся в черное небо. Когда я очнулся, дядя был уже мертв, а я стал шаманом, на зов которого слетались все духи нашей округи...

Времена были лихие. Моих соплеменников в округе почти и не осталось, кто умер от оспы, кого убили хунхузы, кто попался под горячую руку солдатне, а некоторые ушли в Китай, думая, что там войны нет. Так что некого лечить мне стало, и я подался в бродяги.

²¹ У нанайцев праздник Нового года наступает в конце февраля.

Много чего за эти годы видел и с бандой хунхузов, которую меня попросил выследить Аристов, знаком не понаслышке. Не люди они, а злые демоны. А со злыми демонами лучше бороться в родных местах, где родные духи помогают. Ранее я с ними сталкивался при переправе через Уссури. Шел со своими земляками в Маньчжурию. Вот там нас и подловили хунхузы. Надо было только добраться до обжитых мест, а там власти хунхузам спуска не давали, но не повезло...

Я шел через перекат в хвосте нашего переселенческого отряда, когда из прибрежных зарослей сразу за бродом на людей накинлись демоны...

Думаю, только я один и спасся. Остальных повязали, а тем, кто сопротивлялся, сразу головы рубили. Одного удэгейца, изловчившегося подстрелить хунхуза, прямо на берегу живьем в землю закопали. Я с противоположного берега из кустов наблюдал за расправой, но ничем помочь бедняге не мог. С пленниками поступили известно как – продали в пограничных селениях. Мужиков в рабы определили, а женщин богатые китайцы с удовольствием берут в наложницы. Долго бесчинствовала банда в Приморье, наводя ужас на поселенцев, при налетах на селения не разбирались – грабили всех подряд: китайцев, русских, гольдов, удэгейцев... Облагали налогами, а при любой попытке к сопротивлению действовали на один манер – закапывали живьем человека, а зимой раздевали догола, связывали и обливали непокорного водой до тех пор, пока он не превращался в сосульку. Именем главаря банды Лу Ю Вея матери в приграничных селениях пугали непослушных детей...

Но вот вроде установилась наконец твердая власть и дошел и до бандитов черед ответить за разбой и убийства. Сейчас, летом, Уссури сильно обмелела, но удобных мест для переправы у границы все же немного. Обычно хунхузы распределяют грузы на лодках, а лошадей держат уже на нашей стороне в китайской приграничной деревеньке. Туда я и отправился на разведку...

Глава 5

Константин Рукавишников. Разгром банды

– Смелый воин! – сказал я, стоя над тупо лупающим глазами самым молодым членом нашей команды, и тут же, обращаясь к остальным участникам действия, произнес: – Я бы его взял в разведку... если мне пушечное мясо потребовалось. Для непонятливых еще раз повторяю: К завалам подходить с осторожностью. А лучше вообще обходить стороной. На тропе нет удобней места для засады, чем бурелом.

Это я экзаменую свою команду. В основном-то ребята опытные, а этот дурашка сунулся поперед батьки в пекло, ну и получил тупой стрелой в лоб. Вопросом: «А если б в глаз?» я не заморачивался. В этом случае парню просто бы не повезло. Ну а раз под выстрел из настороженного самострела попал и выжил – значит, удачливый человек, а к чужой удаче я всегда относился серьезно.

Восьмой день наша команда проводит учения. Сначала отстрелялись по мишеням. Попрактиковались в рукопашном и штыковом бое. У бывалых охотников поучились устраивать засады, а в завершение сегодня я устроил многокилометровый кросс по пересеченной местности с полной боевой выкладкой. У каждого бойца помимо винтовки, гранат и патронов за плечами висел увесистый вещмешок, и весь день в хорошем темпе мы шли звериными тропами, пересекали ручьи и мелкие речушки, штурмовали сопки...

Так что к ночи, когда мы возвратились в лагерь, кое-кто из бойцов чуть не на карачках полз. В лагере дневалил Митька. К нашему приходу он сварил большой котел пшеничного кулеша и теперь сидел у костра. А рядом с ним, блаженно жмурясь, попивал чай Сема Раскорякин.

Только наевшись и попив чайку, я приступил к расспросам.

– Ну как сходил? Хунхузов видел?

Сема, повернувшись ко мне потным лицом, коротко ответил:

– Да видел, они уже на нашей стороне.

– Ну, так рассказывай, где они сейчас. Какова численность отряда...

– А аккуратно в десяти верстах отсюда лагерьем встали. Еще вчера вечером. В банде человек пятьдесят китайцев и трое русских военных. Я пошнырял вокруг лагеря, разговоры послушал. Ждали они кого-то. Похоже, завтра отряд разделится, часть хунхузов в верховья Бикина подадутся, а военные к поселку Бикинскому собрались идти; все про мост через реку говорили...

Ого! Похоже, белогвардейцы решили взорвать железнодорожный мост, а ждут они... Наверняка специалиста, чтобы заложить взрывчатку в наиболее уязвимых точках опоры. Тут Митька прервал мои размышления.

– Да где ты раньше был, чучело гороховое! – накинулся он на Сему. – Более суток у нас под носом банда стояла, а ты даже не почесался!

– Спокойно, Митяй, – урезонил я своего приятеля. – Ночью по тайге только зверь ходит, а утром нас уже в лагере не было. Ты, Сема, дальше рассказывай: дождались они человека?

– Да, сегодня ближе к вечеру пришли еще двое русских, в лагере с хунхузами остались, – ответил Сема, с опаской поглядывая на сердитого и большого Митю.

Да, проблема. Отряд по любому делить придется. Хунхузов вместе с белогвардейцами, чуть ли не вдвое больше, чем нас. Затемно надо выходить навстречу бандитам.

– Вот что, Семен, поговори сейчас с Трофимом, вон он у дальнего костра рядом с коновязью сидит. Охотник он бывалый. Возьмите еще двух человек по его выбору и, как развид-

неется, топайте в разведку. Мы по следам за вами пойдем. Да, еще договоримся об условных сигналах. Ты рябчиком свистеть умеешь?

– Могу, надо только пищик сделать...

* * *

Раннее утро, туман стелется над рекой. Еще затемно лагерь пришел в движение. Бойцы подгоняли амуницию, в заплечные котомки укладывали боеприпасы и небольшой запас продуктов. Решили идти налегке, с лошадьми мороки много по дебрям шариться. Пока готовились, наши разведчики успели уйти далеко вперед. Шли мы вдоль берега реки, а затем свернули на зверовую тропу. Могли бы прохлестнуть мимо, но я вовремя заметил затесы, оставленные разведчиками. А через полчаса услышал, как трижды свистнул рябчик. Значит, впереди опасность. Остановились, рассредоточились вдоль тропы, и в это время появился Семен.

– Хунхузы разделились, – сообщил он, тяжело дыша. – Большинство переправились через Бикин, на другую сторону. А дюжина бандитов сейчас чешет к железной дороге...

В первый момент я даже растерялся от такой хреновой диспозиции. Переправляться сейчас не на чем. Пока плоты построишь – полдня уйдет.

– Брод поблизости есть? – спросил я внезапно охрипшим голосом.

– Нет, – виновато развел руками проводник. Да, не доглядел он вчера, видимо, у хунхузов здесь заранее были лодки припасены.

– А лошадей они куда дели?

– Дык, лошадей разделили. Четыре с грузом пошли в сторону «железки», остальные вплавь переправились через Бикин.

«Так. Нас вместе со мной тридцать один человек. Одного бойца пришлось оставить охранять лошадей. Хунхузы – бойцы плохие, но местность знают хорошо. К „железке“ пошли двенадцать человек, наверняка опытные воины, и их мы в первую очередь должны остановить, иначе надолго прервется движение по стратегически важному направлению между Владивостоком и Хабаровском. Значит...»

В этот момент мои размышления были прерваны.

– Давай всем гамузом²² рванем к железке! – решительно предложил Митька. – А потом и со всей остальной бандой разберемся. Наверняка они долго по нашей территории бродить будут, – добавил он и вопросительно уставился на Семена.

Нанаец утвердительно кивнул, но предложил по-своему:

– Вы ступайте, а я за хунхузами и один прослежу, буду вам метки ставить, чтобы на обратном пути не заплутали. Только от поселка идите, по той стороне вдоль реки, мои метки обязательно увидите, Трофим – охотник местный, разберется. Хунхузы пойдут по моим уголкам, а в родных местах я каждую тропку знаю, так что не переживай, начальник, я их задержу.

– Хорошо, только одного тебя я не отпущу, бери с собой Дмитрия. Он товарищ ловкий, не будет тебе обузой, – решил я. Семен слегка поморщился, но согласился.

Трофим Маликов, ражий детина с густой бородой, был местным уроженцем и теперь, когда выяснился маршрут и количество бойцов противника, вел нас короткой дорогой, желая опередить бандитов, но все же нам пришлось остановиться на ночевку. Так и сидели всю ночь, не разжигая костров, кутались в одежду от всепроникающей мошкары. Еду тоже пришлось потреблять всухомятку, да и немного мы ее с собой захватили. Охотиться нельзя – выстрелы могли услышать наши враги.

²² Гамузом – толпой, кучей.

Лежу я голодный, да и замерз – даже летом в предгорьях Сихотэ-Алиня ночами весьма прохладно, а палаток у нас не было. Ну, вот лежу, дрожу и недоумеваю: «Какого хрена я так радовался, вырвавшись с кабинетной работы? Хотели подвигов на свою задницу? Кушайте полными горстями, Константин Сергеевич. Спору нет – лет через десять, если вы останетесь на хорошем счету у начальства и вам не прострелят дурную голову в борьбе за народное дело, то имеется перспектива осесть главным гэпэушным начальником в каком-нибудь Мухосранске и жрать там водку по воскресеньям с районным партийным руководством. Не нравится мне такая перспектива. Защита Родины – это дело святое, только вот и про старость помнить надо. Насчет этого стоит еще дополнительно подумать...»

* * *

К полудню мы все же догнали диверсантов. Трофим, идущий впереди, вовремя развернул отряд, и мы короткой дорогой через гольцы успели обогнать противника и встретили их у выхода из узкого ущелья. Позиция была хоть куда. Бандитам пришлось идти по ручью, так как склоны ущелья были покрыты сплошными зарослями лещины и папоротника, которые очень даже хорошо укрыли моих бойцов. Сидим в линию, метра два друг от друга, я самый дальний по ходу движения. Вот сойка прокричала, значит, наши подопечные уже прошли мимо бойцов, сидящих с другого края. Первым шел русский, по выправке сразу видно – офицер. Его желательно взять живым...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.